

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЦЕНА ИМПЕРИИ НА НАЧИНАЮЩЕГО БОГА

**ВЛАД ТАРХАНОВ
ИГОРЬ ЧЕРЕПНЕВ**

Военная боевая фантастика

Игорь Черепнев

**Цена империи. На
начинающего Бог**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Черепнев И. А.

Цена империи. На начинающего Бог / И. А. Черепнев —
«Издательство АСТ», 2023 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-156894-8

1880 год. Против России развязана необъявленная тайная война. В результате взрыва Халтурина в Зимнем дворце гибнет большая часть семьи императора, в том числе сам Александр II. Волею случая в 1880 год переносит двух ученых-историков. Один из них и оказывается у руля государства. Он очутился в теле великого князя Михаила Николаевича, председателя Государственного совета, чудом уцелевшего во время взрыва и выбранного Земским собором императором Михаилом II. Удержится ли он на троне, сможет ли остановить британку, которая продолжает гадить?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156894-8

© Черепнев И. А., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Влад Тарханов, Игорь Черепнёв

Цена империи. На начинающего Бог

© Влад Тарханов, 2023

© Игорь Черепнёв, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

«Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем нашем желании сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах нашей империи, не нарушая мира, а быв токмо готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император нападением на войска наши при Ковно открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы наши противу сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На начинающего Бог».

Приказ Александра I по русской армии.

Вильно, 13 (25) июня 1812 года

Пролог

Подмосковье. 13 января 2021 года

Рождество этого года было на базе проекта «Вектор» довольно-таки скучным. После гигантского «прокола» прошлого года сам проект оказался на грани закрытия. Его бы и законсервировали, но та же катастрофа заставила продолжать исследования, усилив секретность, насколько это только было возможно. Все дело было в непрогнозируемых энергетических проблемах, которые появились не только в Подмосковье или на территории матушки-России, но и в самых разных уголках земного шара. Единственное, что пока что радовало – так это невысокая энергия фиолетовых сгустков, лишь отдаленно, формой, напоминая шаровые молнии. Создавать новую структуру для изучения этого природного явления было бы излишней расточительностью. Вот на самом высоком уровне и решили пока что проект придержать, урезав его финансирование до самого минимального, но дающего хоть какую-то результативность.

Сейчас на базе было пусто. Кроме охраны в здании было три человека, которые и отвечали за весь проект. Официальный руководитель (куратор) проекта – генерал-лейтенант госбезопасности Валерий Николаевич Кручинин, пятидесятивосьмилетний мужчина почти в сто девяносто сантиметров роста, обладатель чуть полноватой фигуры, густой копны седых волос, к коим прилагался мощный зычный голос, который, наверное, мог перекрыть танковый двигатель. Во всяком случае, когда генерал начинал орать на проштрафившегося подчиненного, то несчастный объект начальственного гнева от этого рыка сгибался, а окна дребезжали, грозя в мгновение разлететься. Особенно подчиненных впечатляла начинающая раскачиваться при первых децибелах гласа вопиющего люстрочка – кто знает, на кого рухнет, хорошо, если на генерала, а если на него, дрожащего? Грозен был наш генерал, хотя внешне и не скажешь – обычный круглолицый добряк-человек, разве что брови слишком густоваты да глаза с таким острым взглядом, что режут тебя, как лазер селедку...

Он был одет в не слишком дорогой костюм отечественного производства, при этом не душащая шею галстук. По современной моде такое рандеву называли бы встречей без галстуков, но тут подвел Марк Соломонович Гольдштейн, который явился на встречу при полном параде: этот невысокий худощавый мужчина был одет в строгий, стального цвета костюм, пошитый по индивидуальному заказу из отличной английской шерсти. Сей предмет туалета был несколько старомоден, как и ослепительно белая рубашка, вот только сделаны оба были из столь дорогих материалов, что любой человек, разбирающийся в одежде, прекрасно понимал, что имеет дело с весьма обеспеченным господином. Надо сказать, что хорошая и добротная одежда была особым пунктиком гениального ученого. Правда, иногда он облачался и в костюм своей первой молодости, если не студенческого, так аспирантского периода жизни, но только тогда, когда ему надо было шокировать какую-то публику. А вот в области «шокировать» он был известным специалистом.

Третьим оказался полковник госбезопасности Николай Степанович Полковников, человек, который отвечал за безопасность проекта, не так давно вышедший из комы. Он был среди тех, кто попал под *катаклизм*, оказавшись практически в его эпицентре. Сейчас это была половина того Полковникова, которого все в проекте знали и любили. Увы, половина почти в прямом смысле этого слова: он сильно похудел, правая рука почти не двигалась, а лицо и часть туловища были обезображены многочисленными рубцами фиолетового оттенка, которые и не собирались рассасываться. Один из шрамов задел уголок рта, из-за которого казалось при разговоре, что полковник немного скалится, а его улыбка становилась чуть-чуть угрожающей. В результате лицо его напоминало плохую маску из фильма ужасов, но вот сила воли никуда не делась. Он сразу, как только позволили врачи, снова взялся за работу, перестраивая протоколы безопасности с учетом случившихся проблем. Пострадавший в темпоральной аварии был одет

в обычный свитер грубой вязки и весьма свободного покроя брюки, чем сильно отличался от своих костюмированных коллег, но пока что другая одежда ему не подходила.

– Марк Соломонович, вы уверены, что нам надо привлечь этих двух специалистов? – Кручинин проследил взглядом за кофейным автоматом, вздохнул, да пошел доставать чашку с приготовленным напитком. В этом междусобойчике не было алкоголя, не было и обслуживающего персонала. Все сам, все себе. Ответ не заставил себя ждать. Не было ясно, куда подевался одесский говор, которым столь часто козырял академик, но как-то так:

– Я прошу только двух. По большому уму сюда надо загнать десяток толковых физиков, понимаю, бюджет. Сразу надо было так сделать. Тогда бы поставили предохранитель от неприятностей. Чернобыль-то научил, вижу, что не всех. А у нас тут все просто: в проекте жуткий перекос в сторону математиков и полуфизиков-теоретиков, опять-таки упор у них в сторону теоретических расчетов. Я прошу двух физиков: Шарова и Маковского. Они не гении, но это крепкие физики-экспериментаторы, способные что-то создать «на коленке».

– Марк Соломонович, вы называете физиками не евреев? С чего такая щедрость? – не удержался от шпильки генерал-лейтенант. Полковников отошел к фальшивому окну, которое работало как экран электронной защиты, и пока что помалкивал.

Гольдштейн, что удивительно, шпильку оставил без внимания.

– Михаил Шаров и Всеслав Маковский станут ядром двух направлений, которые мы можем потянуть – и по материальным средствам, и по наличию персонала. Моя группа будет уточнять теорию темпорального взаимодействия и переноса. Это проблема на перспективу. Рабочая группа – я и три математика. Больше не надо. Михаил Павлович возьмется за изучение пробойных энергетических явлений, наша цель – создать модель пробоя. Как в теории, так и в натуре, микропробойчик.

– Это то направление, из-за которого нас и оставили пока на плаву, – подтвердил правильность идеи академика Кручинин.

– А Всеслав Матвеевич займется созданием темпоскопа. Нам нужен метод, который позволит наблюдать за происходящим в параллельных измерениях, чтобы понять, что там происходит и что реально дали наши преобразования. Прибор не должен быть слишком энергоемким и слишком затратным финансово. И одних теоретиков для этого недостаточно. Нужен физик-экспериментатор с руками, которые растут не из жопы.

– Что думаете по этому поводу, Николай Степанович? – обратился генерал-лейтенант к полковнику.

– В предложениях уважаемого Марка Соломоновича есть рациональное зерно. Мы на фоне первого успеха с Толоконниковым слишком бездумно раздули штат научных сотрудников. И их уволить нельзя. Никак нельзя. Разве что закапывать тела после ликвидации. Но это крайне расточительно. Вообще не наш метод. Так что ради сохранения безопасности проекта я буду «за».

Валерий Николаевич отпил кофе, поморщился. Несмотря на то, что автомат был дорогим, а зерна известного производителя, напиток был не очень. Подошедший Полковников выбил кофейную гущу, вытащил небольшой бумажный пакетик, практически не заметный за пачками фабричных упаковок. Он зарядил автомат порошком из пакетика. Автомат засветился, зашипел, начал плевать кипятком, наполняя чашку напитком. Кручинин попробовал новую версию напитка. Аромат и вкус были на высоте.

– Этот пакетик наши держат для большого начальства, – Чистая арабика, – пояснил полковник.

– А сделайте и мне. Хочу оказаться большим начальником! – подал голос Гольдштейн.

Вскоре на столе стояли три чашки с ароматным напитком, а пакетик отправился в мусорную корзину.

– Голосовать не будем, – подвел итог разговору генерал. – Предложение уважаемого Марка Соломоновича принимается. Ваши соображения – по научной части и по безопасности – жду послезавтра утром на столе. Моем столе, а не вашем...

Подчеркнув, что официальная часть разговора закончена, Кручинин выставил на стол пузатую бутылочку «Двина» и тройку коньячных бокалов. С Рождеством!

Часть первая

Война войне

*Эта война положит конец
войнам. И следующая – тоже.*
Дэвид Ллойд Джордж

Глава первая Первые разборки

*И охота же ей лезть не в свое дело! Удивительно, как возбуждает
женщин один лишь запах скандала.*

Джон (Джозеф) Максвелл Кутзее

Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец.

5 марта 1880 года

ЕИВ Михаил II

Увы, мой первый фактически рабочий день в роли императора (избранного, но еще не венчанного на царство) начался с визита одной скандальной дамы. Крик во дворце стоял с самого утра, так что пришлось все-таки эту неугомонную особу принять. А что уж тут делать? До визита нужных мне лиц время было, не вызывать же караул или полицию, дабы вывести скандал на еще больший уровень! Ну уж нет! Будем давить паровозы, пока они чайники! Коронацию решили провести 16 сентября сего года в день архистратига Михаила Архангела в Москве. Вроде бы несколько поспешно, но тут был найден единственно возможный компромисс между стремительностью и необходимым для подготовки действия временем. Ладно, вернемся к нашим... овечкам...

Я рассматриваю женщину, которая пока и слова не сказала, но вся из себя изображает разгневанную Диану, того гляди, начнет стрелы метать... Не, в оленя ты меня не превратишь, дудки! Не на того нарвалась! И что тут сказать? Не понимаю я «братца», никак не понимаю. Назвать ее красавицей, вот уж нет, как на меня, лицо ее с неправильными чертами, полноватое, да и тело отнюдь не балетное, впрочем, танцовщицы конца этого века и конца двадцатого – начала двадцать первого это очень большая разница. По весу, конечно. Сия дамочка, Екатерина Гавриловна Числова, давно на сцене не порхала. С тех пор как упорхнула в великокняжескую постель. Невысокая, полноватая, впрочем, выправка танцовщицы чувствуется, а вот личико, как на мой вкус, кошмарненькое... Да-с, Коленька, ну нельзя же быть настолько неприятным. Круглое аки луна, маленькие, глубоко посаженные глазки, злые, ну так это понятно, что злится, почти была императрица... Впрочем, говорят, характерец у нее тот еще! Носик... Уф... в общем, одета как барыня, а по внешности – кухарка, самая типичная. Я не ханжа и не аристократ, я историк, но плебейская внешность тут просто... Ладно, хватит... Чем она взяла Николашу? Так ясно чем! Время такое... пуританское. Сексуально раскованная дама полусвета – это уже готовая медовая ловушка, а если это еще и светская дама – так это ж «роковая женщина», как это по-татарски, «кирдык манда»? Ага, точно кирдык. Помните, что будет вытворять Маша О'Рурк, она же Мария Тарновская, ныне трехлетняя полтавчанка? Будет разбивать сердца, доводить любовников до самоубийства, чем она их притянет к себе? Да все той же сексуальной раскрепощенностью. А тут балеринка прибрала к рукам великого князя. Не повезло Николаю Николаевичу в браке. Не обладая ничем выдающимся, кроме внешности, великий князь был женат на Александре Фредерике Вильгельмине, дочери Петра, герцога Ольденбургского. Слабое здоровье супруги, которая подарила мужу двух сыновей, на чем их интимная жизнь подошла к грустному концу, – вот и наш вечно озабоченный князь стал еще с большей настойчивостью искать успеха у дам самого разного пошиба¹. А тут балет!

¹ Надо сказать, что после смерти Числовой, когда болезнь великого князя зашла слишком уж далеко, его эротические приключения стали вообще притчей во языцех: Ники не пропускал ни одной юбки и волочился за всеми подряд. Лечение или, скорее, изоляция Н. Н. Старшего в Крыму была вынужденной мерой в этой ситуации.

Тем более что танцевальные труппы выполняли в то время функции борделя для избранной публики.

Как только связь между Николаем и Числовой стала достаточно крепкой, настолько, что Александра Петровна вынуждена была покинуть Россию, проживая в Европе, Катюша стала демонстрировать характер, прижав князюшку к ногтю. Наш Ник-Ник оказался подкаблучник! Бывшая балеринка родила князю пятерых детей, четверо из которых были живы-здоровехоньки, и их обеспечением Николай занимался со всей возможностью. Воровал? Да, не приворовывал, а именно что воровал. Причем долги его были столь велики, что собирался продать Николаевский дворец, чтобы только рассчитаться с кредиторами. А какие скандалы закатывала бедному Ники Катюша! Она врывалась в его кабинет и требовала показать переписку, не пишут ли ему молодые танцовщицы, дабы через постель получить место в труппе! Дошло до того, что вся переписка великого князя, генерал-фельдмаршала, главнокомандующего гвардией попадала сначала в цепкие ручки экс-балерины, а потом уже... Я знал, что после ее смерти деткам останется миллион золотых рубликов... В общем, обеспечила их будущее.

Стою. Молчу. Держу паузу. Знаю, что она не выдержит первая, а это мне и надо. Неплохая такая аудиенция получается: стоим и помалкиваем! Ага! Нет, не выдержала...

– Ваше императорское высочество...

Ох... Ничего себе заявочка, газет, что ли, милочка не читает? Или это предьява такая? Нью-ню... Продолжаю стоять с каменным лицом.

– Я пришла к вам с требованием справедливости. Ибо не к кому более. Пока что...

Опять молчу, смотрю в нее, как в пустое место, или правильно говорить «на пустое место»? Начхать. Сначала надо на место поставить зарвавшуюся дамочку. Это тебе не братец Ники. Это наш старший брат благоволил слабости Николаши. Сам был грешен. Мне как-то не комильфо... Вот как ноздри раздуваются! Говорят, братцу туфелькой да тапком от полюбовницы перепало, и не раз и не два! Ну че, рискнет туфлю снять? Рассматриваю ее, как биолух какой-нибудь бабочку в микроскоп, думая, на хрена такую оболочку столь бесполезному созданию? Ага, минуту выдержала и сдулась...

– Ваше императорское величество! Прошу выслушать меня!

– Что вам надо?

– Я требую справедливости! Вам что, мало того, что вы отодвинули от трона младенца, ладно, но вы ведь отбросили и старшего брата, который имеет намного больше прав на престол, нежели вы сами!

– Вы в своем уме, сударыня?

Конечно, можно было бы на этом аудиенцию и закончить, но... посмотрим. Играть со мной вздумала! Конечно, на Государственном совете рассматривали кандидатуру Ники, но тут точку поставил Валувев. Сказал, дословно: «Могу себе представить государем российским великого князя Николая Николаевича, но представить государыней кухарку Числову не могу никоим образом!» Для членов Госсовета, да и Сената финансовые трудности князя и их причина секретом не были, как и то, что он мечтал признать развод с законной супругой и стать законным мужем даже не дворянки, а дворничихи... Это уж ни в какие ворота! И та история с братом Константином, побаловались там шаловливые ручки Катюшки, вот только одной ее или? Ладно...

– Вы в своем уме, сударыня? Старший брат Константин участвовал в выборах наряду со мною и великим князем Михаилом Александровичем. А если ваш любовник чувствовал себя столь обделенным, то почему никто из полутысячи делегатов не выкрикнул его имя? Ни один! Так что оставьте свои претензии исключительно своей дикой фантазии. Итак, чего вы хотите. И давайте сразу к делу. У меня нет на вас много времени.

– Вот как-с! – Еще разок сверкнула глазами. Напрасно. Глазки у нее не обременены интеллектом, так что...

– Я хочу дворянства себе и своим детям от великого князя Николая Николаевича, с назначением содержания, соответствующего их статусу. По двести тысяч рублей каждому.

– Это все? – Интересно, иронию дамочку уловила или нет?

– Нет, прошу еще разрешить мне открыть дворовую церковь, ибо мне невестно ходить в обычную со всей... публикой...²

Сама из черни, а вот с мещанством ей стоять в церкви невестно! Охренеть! Что у этой дамочки в голове! А ведь не дай Боже стал бы Ники императором! Эта ж просто капец стране! Кирдык всем! А не только этому... Да! Не удержался, расхохотался! И вот этого госпожа Числова не ожидала. Всего ожидала, только не этого... Вот и слезы на глазах начинают собираться. Ага! Мне только бабской истерики не хватало!

– Присядьте, дамочка! Не могу... уморила...

Вытер слезы. Она села на краешек стула. Готова к агрессии. Ну-ну, кажется, многия открытия нас ожидают сегодня. Открыл папочку. Думает, не подготовился к разговору? Еще как подготовился.

– Итак, сударыня, вы проживаете с вашим любовником, великим князем, в Николаевском дворце, кроме того, вам лично принадлежит дом, это в нем вы хотите дворовую церковь устроить? И, кроме того, на счету вашем лежит в общей сложности порядка восьмисот тысяч рублей. Угу. И как мы с вами понимаем, это не гонорар за ваши выступления на сцене, а подарки великого князя, Николая Николаевича. Можете ничего не говорить, вы ведь имеете право получать подарки. Вот только великий князь не имеет права красть деньги из казны. Мой старший брат закрывал на это глаза. Полтора миллиона исчезли только на первый взгляд. Надо сказать, что роскошная жизнь требует расходов. Согласен. Только мне это не нравится. Весьма. И с казнокрадством я лично собираюсь бороться, несмотря на имена и фамилии. Посему у нас с вами такой путь действий намечается. Я отдаю приказ провести строгую ревизию. И все делишки Ники вылезут наружу. А когда выяснится и ваша роль в этом деле, что вы подталкивали великого князя к растратам и казнокрадству, так и отправитесь вы на каторгу, а Ники в ссылку с позором. Дети ваши получают дворянство, фамилию Николаевы, вот только вам лично не видать дворянства никогда в жизни. Числовой и помрете. Деньги придется вернуть, домик продать. Из Николаевского дворца съехать, ибо туда возвращается хозяйка – великая княгиня Александра Петровна.

– Сколько?

– Что сколько? – не понял я вопроса.

– Сколько вы назначите моим детям?

Ну вот оно что!

– По пятидесяти тысяч, более никак невозможно...

– Крохи сиротам бросаете...

– Есть и другой вариант. Для вас более благоприятный.

– Сколько?

– Нет, это не совсем то. Смотрите вот этот документ. Несколько дней назад Николай Николаевич прошел обследование у врачей. Вы, мадам, слишком много уделяли внимания себе и слишком мало вашему благодетелю. У него смертельная болезнь. Рак. Посему он выходит в отставку по состоянию здоровья и отправляется в один из дворцов в Крыму для лечения. Вы отправляетесь вместе с ним. И вы, и дети получают дворянство и содержание. Дом остается вам, как и эти деньги.

– Сколько?

Вот уж меркантильная особа.

² Реальное требование Екатерины Числовой к государю Александру Третьему, над которым искренне потешался господин Победоносцев.

– По двести тысяч каждому и на ребенка, и вам лично.

– Что я должна сделать?

Не дура на самом деле, да уж, образованности не хватает и воспитания, а вот житейской хитрости даже с избытком.

– Николай Николаевич должен подписать отказ от прав на престол за себя и за своих детей. Всех своих детей.

– И Николая-младшего, и Петра?

– Всех – это значит всех!

– Я сделаю это!

Вот самка собаки!

Четвертого апреля 1880 года великий князь Николай Николаевич Старший подписал отречение от права на престол за себя и своих детей, после чего отправился в Ливадийский дворец в Крыму для лечения.

Глава вторая В омут с головой

Каждому человеку в течение дня представляется не менее десяти возможностей изменить свою жизнь. Успех приходит к тому, кто умеет их использовать.

Андре Моруа

Санкт-Петербург. Мариинский дворец.

15 февраля 1880 года

Валуев

– Так, Россия-матушка, а ты не меняешься, что в веке девятнадцатом, что в любом ином, один хрен, неистребимо семя крапивное! – сие заключение, великий князь и почти император Всероссийский Михаил Николаевич озвучил, а потом и уточнил длинной заковыристой фразой, большая часть которой состояла из отборной брани. Причем среди ругательств проскальзывали явно незнакомые слова, что в принципе можно было объяснить длительной службой на Кавказе и участием в русско-турецкой войне. Выдав эту тираду, он от души хватил кулаком по столешнице. Хвала Всевышнему, что благодаря влиянию души или психоматрицы Александра Конюхова, с поверхности письменного стола и вообще из комнаты было убрано все лишнее в строгом соответствии с принципом спартанского минимализма. В противном случае пространство кабинета неизбежно потребовало бы проведения авральной уборки с выметанием битого стекла и фарфора от всевозможных финтифлюшек и отмыванием пола и стен от содержимого нескольких чернилниц, общая емкость коих могла удовлетворить годовые запросы любой столичной гимназии. Причиной сей вспышки августейшего гнева был документ, написанный великолепным каллиграфическим почерком, обладатель которого явно имел все шансы сдать экзамен, именуемый в Китае «кэцзюй», и занять неплохую чиновничью должность.

На четырех страницах отменной бумаги весьма почтительно и с массой ссылок на законы и высочайшие указы, среди которых упоминались все царствующие особы Российской империи от Екатерины II и до Николая I, статистические данные по всем российским губерниям и прочие входящие и исходящие обстоятельства, содержался отчет по выполнению решения Государственного совета Российской империи, отправленный тайному советнику Валуеву, занимающему ответственный пост председателя Комитета министров касаясь сбора выборов лиц для срочного созыва Земского собора. Упаси Бог, ни при первом, ни при последующих прочтениях сей бумаги, кою не доверяя канцелярии, Петр Александрович лично доставил Михаилу Николаевичу, невозможно было увидеть отказ от выполнения поставленной задачи. А если быть абсолютно точным, то она представляла собой высший класс чиновничьей отписки, когда наличествует одновременно полное нежелание выполнять свою работу и настойчивое стремление прикрыть собственную пятую точку от возможных неприятностей. Со времен Гоголя это получило название «двойной хлюст», то бишь, когда автор донесения или циркуляра не понимает, о чем пишет, а уж адресат и подавно не может ничего понять. Такой разновидностью эпистолярного стиля владели немногие, начальство статское и военное весьма дорожило этими «специалистами», тем паче что для овладения оным требовалось не одно десятилетие протирать форменные штаны в присутственном месте в чине коллежского регистратора.

Составленная ими бумага позволяла надежно и, самое главное, безнаказанно похоронить в бюрократической переписке любую проблему или распоряжение. Но в условиях объявленного на всех просторах Российской империи военного положения после уничтожения почти всей августейшей фамилии такие действия являлись не чем иным, как саботажем.

– Ну-с, Петр Александрович, и много таких Акакиев Акакиевичей у вас в министерствах скопилось? Не пора ли таким чинушам по шинели за казенный кошт справить и в Сибирь лет на пять, а то и десять, да без права переписки? – спросил немного успокоившийся великий князь.

– Как без права переписки? – уточнил ошарашенный Валуев, не понявший смысла строгости нового наказания.

– А... это так, мысли вслух вырвались, уж очень хочется сиих проходимцев доступа к предмету вреда государству – перу да бумаге – лишить... Либо по примеру моего августейшего пращура Петра Алексеевича гвардейских сержантов с караулом отправить, дабы отбить охоту приказы не исполнять. Ладно, Петр Александрович, с этими бумагомараками разберемся позже. Зная вас, я не сомневаюсь, что план действий уже выработан. А посему давайте его обсудим.

В который раз ученый-попаданец был на грани провала, выкручиваясь: очень уж это вредная привычка – вставлять идиомы своего времени в разговор с хроноаборигенами. А вот то, что чиновник прибыл на доклад не с пустыми руками, было ясно с первого взгляда: увесистая папка из дорогой кожи с золоченым тиснением притягивала к себе взор, подобную в свое время Конюхов мог видеть только у антиквара. Валуев достал из нее карту Европейской части России с показанием железных дорог, пароходных сообщений и телеграфов, а также пачку листов с рукописным текстом и таблицами, нарисованными тушью.

Самым главным сюрпризом, несомненно, была карта. Нанесенная на нее информация не только удивила часть сознания великого князя, которая сохранилась после слияния с психометрией попаданца, но и в значительной степени поразила сущность последнего. Михаил буквально завис, переводя свой взгляд с карты на Валуева, а в голове была только одна мысль: еще один попаданец?! Но кто и откуда?! Причиной сего стресса был способ подачи информации: графический, весьма неожиданный для своего времени. На карте были нарисованы концентрические окружности, формой напоминающие искореженные эллипсы, окрашенные в разные цвета, центр которых располагался в Санкт-Петербурге. Причем на каждой из них были надписи, оформленные в виде дроби. Все это в совокупности очень напоминало изображения зон поражения пожарами и радиацией в результате ядерного взрыва, которые ему приходилось неоднократно видеть, начиная с уроков начальной военной подготовки в школе и заканчивая учебой в институте и занятиями по ЗОМП в процессе армейской службы. Валуев заметил его растерянность и поспешил ввести Михаила в курс дела:

– Я вижу, Михаил Николаевич, что вас тоже удивили сии иллюстрации. Согласен, что они выглядят на первый взгляд весьма странно, но если присмотреться, то вся картина становится ясной. Скажу сразу, что над картой поколдовали кудесники из генерального штаба – и вообще, без содействия военного министра и министра путей сообщения вряд ли удалось составить сей прожект, те паче что двойные и тройные хлюсты поступали на наши запросы неоднократно. И я полностью с вами согласен, что необходимо тщательно разобраться с той гранью, когда нежелание выполнять свои обязанности переходит в злонамеренные действия, направленные против устоев империи. Но пока разрешите я прокомментирую сии окружности и иные знаки. Итак, в числителе дроби указано количество выборных кандидатов на Земский собор, исходя из плотности населения. В знаменателе – время, за которое они могут быть доставлены в столицу используя прежде всего железную дорогу, ибо рассчитывать на пароходное сообщение по рекам в конце зимы весьма проблематично. Чем дальше от Санкт-Петербурга и от трассы чугунки, тем больше снижается вероятность собрать нужное количество представителей все сословий и резко возрастает срок их транспортировки. Кроме того, следует учесть возможные затруднения со связью. По имеющимся у нас данным в империи наличествует 1372 телеграфные станции, а протяженность линий составляет 55,6 тысячи верст.

– Погодите чуток, Петр Александрович, – прореагировал наконец великий князь, до этого внимательно и с интересом изучавший карту. – А случаем, эти самые «моментальные» кудесники не озаботились сравнить сии цифры с иноземными?

То, что Михаил Николаевич начал каламбурить и обыграл в вопросе прозвище, коим офицеры строевых частей именовали выпускников Императорской Николаевской военной академии, говорило об его явно улучшившемся настроении.

– А как же, озаботились. Дмитрий Алексеевич лично распорядился. К сожалению, отстаем, особенно по сравнению с Североамериканскими Соединенными Штатами. Я не стал включать эти данные в сей доклад, но если необходимо, то...

– Не стоит, Петр Александрович, это у меня в некотором роде мысли вслух. Вот очистим наши авгиевы конюшни и вернемся к этому вопросу. Прошу вас, продолжайте.

Валуев отпил глоток сельтерской воды и продолжил доклад:

– Учитывая объективные обстоятельства, к назначенному вами сроку мы можем гарантировать доставку выборных лишь из Европейской части России. Так же проблематично обеспечить представительство казаков из отдаленных войск.

На этом месте опять вмешался великий князь:

– Если не ошибаюсь, то в столице на постоянной основе дислоцируются казачьи воинские части. К ним часто приезжают их родственники. Свяжитесь с атаманами, пусть составят бумагу о делегировании их для участия в Земском соборе. Пошлите запрос в Москву, задействуйте военных губернаторов. Они же пусть свяжутся с предводителями дворянских собраний и обеспечат необходимый для собора кворум. А что у нас с представительством духовенства?

– Этот вопрос военный министр уже обговорил с протоиреем Покровским. Его высокопреподобие в данный момент является главным священником армии и флота и пользуется большим авторитетом как среди паствы, так и среди священнослужителей.

– А что Толстой? – Михаил внимательно посмотрел на докладчика.

– Всецело поддерживая наши решения, Дмитрий Андреевич включился, и весьма энергично, в работу Синода по привлечению выборных от церкви.

– Отменно, – радостно потер руки великий князь, – в целом я очень доволен проведенной работой, но для окончательного утверждения плана действий, предлагаю завтра встретиться еще раз, но уже в более расширенном составе. Я лично приглашу генерала Милютина, министра путей сообщения Посьета, графа Толстого и протоирея Покровского. Кстати, завтра же я сообщу его высокопреподобию о своих планах по восстановлению патриаршества. Поместный собор соберем после моей коронации. И в обязательном порядке необходимо присутствие генерал-адъютанта Тимашева. Ибо для обеспечения реализации нашего плана силовая поддержка крайне актуальна. В формируемых поездах следует разместить отряды вооруженных солдат и несколько опытных жандармских чинов. Я не исключаю актов саботажа или диверсий. Любые поползновения помешать отправке выборных в столицу должны подавляться без всякой пощады, виновные немедленно подвергаться аресту, а при малейших попытках сопротивления уничтожаться на месте. Хватит, долиберальничались! Как говорил Чингисхан: если кто-то хочет войны, тот ее получит. Да, и не забудьте о включении в состав команд опытных медиков с запасом лекарств.

Валуев все старательно записывал, стараясь ничего не пропустить. Незаметно пронеслось несколько часов, когда в двери постучался дворецкий Афанасий с напоминанием о накрытом столе.

– Все, Петр Александрович, на сегодня достаточно. – Михаил Николаевич встал и пригласил Валуева пообедать вместе с ним. Во время трапезы решили не вести серьезных разговоров, ибо оба изрядно вымотались и устали.

На следующий день, в десять утра все названные выше лица встретились в кабинете великого князя, и обсуждение плана шло на протяжении четырех часов. Когда были оговорены все

мыслимые и немислимые препятствия и опасности, присутствующие по знаку Михаила Николаевича встали, и он, обращаясь к протоиерею Покровскому, сказал:

– Всего предусмотреть невозможно. А посему, ваше преподобие, благословите нас и дело наше великое...

Первого марта 1880 года в здании Большого театра открылся Земский собор. Первый после почти двухвекового перерыва, дающий Великой Империи шанс победить в той войне, коя никогда не прекращалась против нее.

Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец.

5 марта 1880 года

ЕИВ Михаил II

Только из кабинета выскочила экс-балерина Числова, как адъютант сообщил, что вызванные им на совещание господа уже собрались. Это был генерал-адъютант Александр Егорович Тимашев, возглавивший Третье охранное отделение и ставший шефом жандармского корпуса, Николай Карлович Гирс, товарищ министра иностранных дел, фактически заменивший болеющего канцлера Горчакова, Петр Александрович Валувев, председатель Комитета министров, один из столпов консервативной партии, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, адмирал Степан Степанович Лесовский, управляющий Морским министерством, адмирал Григорий Иванович Бутаков, старший флагман Балтийского флота, начальник Практической эскадры броненосных кораблей на Балтийском море. Как только приглашенные расселись за большим столом, занявшим почти весь кабинет, Михаил Николаевич тут же задал вопрос:

– Что у нас по британскому флоту на Балтике?

Слово взял адмирал Лесовский.

– Вчера в шесть часов пополудни английская эскадра в шесть вымпелов появилась в виду Кронштадта. Они воспользовались тем, что Финский залив стал очищаться ото льда в этом году намного ранее, чем могло бы быть. Держатся на чистой воде, к кромке льдов не подходят. Все шесть судов – броненосцы. Это «Девастейшен» и «Тандерер», новые корабли без парусного вооружения. Им компанию составили фактически первые броненосцы британского флота: «Монарх», «Принц Альберт», «Рипалс», «Беллерофон». Эскадра остановилась в отдалении от фортов крепости на дистанции, недоступной береговой артиллерии, и легла в дрейф. Никаких агрессивных действий не предпринимала. В переговоры с представителем Балтийского флота не вступала.

– Что известно об отправке соединения кораблей островного величества? – этот вопрос относился к Гирсу, ибо разведка в Российской империи находилась в ведении Министерства иностранных дел.

– Известно, что эскадра из четырех броненосных кораблей постройки шестидесятых годов со смешанным парусно-винтовальным вооружением находилась на плановых маневрах в Северном море. Вскоре к ним присоединились два новых корабля – «Девастейшен» и «Тандерер», на которых поднял флаг адмирал Горнби. Он и возглавил объединенную часть флота, которая спешно направилась в Финский залив. Ни Дания, ни Швеция прохождению эскадры не препятствовали. Цель ее – демонстрация военно-морской мощи и военно-политическое давление на выборных Земского собора.

– Господа, я хотел бы еще раз выразить признательность Петру Александровичу за человеческую энергию и организационные таланты, которые позволили провести собор столь вовремя. Хваленые британские моряки поспели к котлам, в которой ухи уже не было. Пусть довольствуются углями от костров... А как вы, Григорий Иванович, оцениваете реальную опасность этой эскадры? Что мы можем ей противопоставить?

Григорий Иванович Бутаков, еще не привыкший к тому, что на подобных совещаниях у императора не чинятся, поднялся в некотором смущении. Это был один из лучших флотовод-

цев России, сделавший очень много для развития современного флота, в первую очередь, на Балтике. Но этот решительный человек отличался еще и весьма сложным характером, к придворным политесам приучен не был и к «распилу» средств, выделяемых на флот, относился крайне негативно. Это привело к тому, что помимо соратников и учеников приобрел он за время службы на Балтике великое множество весьма влиятельных недругов. И 1 января 1880 года был отправлен в отставку со всех постов, правда, с сохранением жалования по должности флагмана Балтийского флота. Он готовился передать дела своему преемнику, который то ли еще назначен не был, то ли не добрался с Тихого океана или Черного моря. Григорий Иванович собирался переехать с семьей на дачу у Гельсингфорса, где заняться научной работой, да вот не судьба... Завернулось все таким образом, что шестнадцатого февраля он был вызван в Государственный совет, где великий князь Михаил Николаевич поручил ему возглавить морские силы на Балтике и быть готовым к недружественному визиту британских броненосцев, ни численности, ни возможностей которых известно не было. За это короткое время корабли Практической эскадры, стоящие на зимних стоянках в Кронштадте, стали готовиться экипажами к плаванию, определялись позиции, которые позволяли им, опираясь на форты береговой обороны, стать занозой в ноге у неприятеля, ежели такой подойдет к столице.

– Ваше императорское... простите! – смутился адмирал. – Государь, считаю, что угроза, исходящая от кораблей противника, невелика. Ледовая обстановка не позволит подойти на расстояние уверенного выстрела по Кронштадту, не говоря о проводке кораблей к столице. Даже если внезапно потеплеет, то, учитывая дальность перехода эскадры и то, что ее большая часть находилась на маневрах, боезапас ее не мог быть пополнен до полного, следовательно, мы имеем в лучшем случае по комплекту выстрелов на орудие. Из эскадры только два корабля могли иметь достаточный для боя запас снарядов, это новейшие броненосцы, но опять-таки... Подзагруз боекомплекта в море возможен, но маловероятен. В Северном море это непростая операция, как минимум сутки задержки, думаю, что нет. Кроме того, в состав эскадры не входят канонерские лодки, которые могли бы эффективно бороться с артиллерией укреплений, и нет десантных судов, следовательно, сия эскадра не несет боевой угрозы, а имеет целью именно «демонстрации флага». Наши силы флота у Кронштадта даже избыточны для обороны столицы.

– А вы не боитесь, что англичане могут провести бомбардировку Ревеля или другого порта на Балтике, кои не защищены сейчас силами флота? – поинтересовался Милютин.

– Западная часть залива очищается ото льда, но обстановка не настолько благоприятна, чтобы провести немедленные атакующие действия. Джеффри Горнби – адмирал несколько авантюрный, но рисковать шестью броненосцами не будет. Пусть у короля и много, но такого ему в адмиралтействе не спустят. И за меньшее вешали адмиралов.

– Прекрасно! Николай Карлович, с вашей стороны все готово для заключительной фазы операции?

– Государь! Все возможное сделано! Еще вчера английское посольство было окружено гвардией, а послу и всем сотрудникам было отдано предписание в двадцать четыре часа покинуть Российскую империю. Подготовлена баржа «Лизавета», которую сего дня переименовали в «Викторию», на которой перевозили скот, свиней и коров, на нее будут направлены британские дипломаты, чтобы доставить их на экспедиционную эскадру английского королевства. Ваше личное послание королеве передано господину послу. Срок истекает в два часа пополудни.

– Прекрасно! В три часа все британские дипломаты должны быть на барже. Торжественно, с флагами и салютами, дотащите ее к эскадре, пусть полюбуются. И будьте готовы к бою. На всякий случай... Наши дипломаты на Острове?

– Сегодня в полдень сели на пароход из Лондона. Во Франции они переседают на поезд и через Германию отправятся на родину.

– Ну что же, прекрасно! Никого не смею задерживать. Приступайте! А вас, господа, э... попрошу...

Чуть не стырил фразу у Мюллера. Вовремя остановился.

Глава третья

Вот и встретились два одиночества

Случайная встреча – самая неслучайная вещь на свете.
Хулио Кортасар

Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец.

24 февраля 1880 года

Великий князь Михаил Николаевич (Конюхов)

– Ну что, ученичок, обосрался?

Когда я услышал эту фразу от юнца, да сказанную еще с характерными для моего знакомого, старого академика, интонациями, то меня как обухом по голове приласкали. Вообще-то эта фраза все сразу расставляла на свои места, если представить себе, что я попал сюда не один, а в компании академика, то... Тысячи вопросов и ни одного ответа... Перезагрузка... Понимаю, что земля начинает крутиться слишком быстро. Не хватает еще и сознание потерять! И это из-за чего? Из-за чего? Какого? Блин! А Сандро как-то подсуетился, вот, вонючку под нос сует...

– Чего это ты, Сашенька, решил головой снова об пол треснуться, тебе парочки взрывов мало было? – И так сокрушенно головой качает. Прыщ малолетний!

– Блин, старый дурак, чуть от твоих приколов кондратий не хватил! – бурчу под нос, потом до меня доходит вся *прелесть* ситуации, и я говорю:

– А ведь теперь, академик, как ни крути, а дурак-то ты – молодой! И тут тебе все бонусы в одну копилку... Вот только как тебя угораздило тут оказаться, да еще в тельце моего младшенького...

– Ну, не самого младшенького, – уточняет Коняев, – а вот ты бы чайку заказал, нам поговорить надо, на тебе подписок нет никаких, да и не нужны они тебе – ты *там*, думаю, умер, как и я. Так что чего уж от тебя скрывать... А еще бы нам подальше от стен, у которых есть уши...

– Принято! Обойдешься без чая. Собирайся, учитель хренов...

– Почему хренов? – обиделся не на шутку «учитель».

– Потому что дела у твоего ученика идут пока хреноватенько, вот почему!

Санкт-Петербург. Окрестности Зимнего дворца. 24 февраля 1880 года

Великий князь Александр Михайлович (Коняев)

Февраль, достать бухла и плакать³... Да-с, когда Боренька писал эти, точнее, почти что эти бессмертные строки, он ведь тоже находился в зимнем Петербурге или Петрограде, или это уже был Ленинград? Так, вспоминаю, стихотворение двенадцатого года, следовательно, Санкт-Петербург, или просто Питер... А что, картина, достойная великого пиита! Поздний вечер, практически ночь, снега нет, но морозно. Два человека в шубах до пят, отец и сын – неподалеку от развалин Зимнего прохаживаются. А ведь картина постапокалиптическая! В каком страшном сне могут присниться эти обломки камней, еще не убранные и мешающие проезду, если бы тут кто ездил, кроме строителей, пытающихся навести тут порядок. В этом месте снега почти нет – весь вытоптан подошвами рабочих. Удивительно, но даже в это время я вижу тут священника, который одет на удивление легко, читает молитву. Каждый день после вечерней службы Иоанн Кронштадтский молится здесь за упокой погибших членов семьи Романовых. Кровь смыли. Мусор увозят. Если бы не искореженные взрывом контуры дворца... Подходим

³ Февраль, достать чернил и плакать... – строка из стихов Б. Пастернака.

к Иоанну и молимся рядом с ним. Каждый о своем. Молимся молча, но истово. Я точно чувствую, когда человек молится, а когда только слова произносит. Давно у меня такое чувство появилось. Давно... Подходим вплотную к отцу Иоанну, тот благословляет нас, ни о чем не спрашивая. Отходим...

– Вот на этой скамейке я очнулся впервые в этом мире... Хорошее место... Поговорим.

Холодно, но поговорить действительно необходимо. Охрана, следовавшая за нами незаметно, повинувшись знаку Михаила, расходится на приличное расстояние. Он садится, я продолжаю стоять, поскольку лица почти полностью закрыты воротниками шуб, уверен, что по губам никто ничего не прочтает, а так каждый бдит свою зону, тут нас не подслушают.

– Итак, кто начнет первый? – это ученик подает голос. Учитель, который выглядит тощим хрупким юношей, безусым, немного угловатым, подает ломающийся голос, от чего вся ситуация приобретает еще и странный комический оттенок.

– Наверное, начну я. Поскольку я тут оказался неслучайно, а вот вы, батенька, пошли со мной прицепом.

Лицо Михаила Николаевича становится каменным. Этого только не хватало, мало ему всяких катаклизмов, так они еще и были целенаправленными!

– В том месте, где мы встретились, располагался жутко засекреченный объект. Проект «Вектор». Лаборатория темпорального переноса. Да, путешествия во времени стали уже реальностью. Вот только переносу поддаются слепки сознания – психоматрицы. Тело в том мире утилизуют, оно умирает. А в этом мы оказываемся в теле принимающего, вытесняя его сознание и сливаясь с его остатками после уверенного закрепления в объекте. Меня отобрали из-за возраста и из-за моей профессии: историк, специализирующийся по концу девятнадцатого, началу двадцатого века.

– Судя по тому, что ты оказался в теле Сандро, что-то пошло не так?..⁴

– Все пошло не так, Сашенька, хотя давай я тебя буду называть сообразно твоей новой легенде, Михаилом, извини, папá, ты от меня не дождешься...

– Наедине согласен, на людях, сорри, придется. Конспирация, хрен ей в бок!

– И морковку в анальное отверстие! – согласился учитель с учеником.

– Я должен был попасть в тело Александра Третьего в день убийства государя Александра Второго. Сильный стресс от смерти отца должен был скрыть последствия темпорального переноса, помнишь то состояние первых часов, когда мутило, все болело и страшно хотелось пить? Это вот на физическом плане. Да и телом владеть сносно только после слияния. У меня это было вчера только... – наморщил лоб Сандро. – Это когда плющило не по-детски, вот...

– Аналогично... – согласился Михаил Николаевич.

– По теории, это говорит о том, что мы попали в матрицы не слишком подходящие. При идеальной калибровке слияние происходит не позднее сорока восьми часов.

– Получается, что теория лажанула...

– Скорее всего, это со мной что-то не то случилось. Я начал помирать раньше срока и не под наблюдением эскулапов проекта. В модуль переноса меня доставили, когда душа уже от тела отделилась, там экранированный потолок, не знаю, что у них еще и технически пошло не так, но меня затягивало не из комнаты переноса, это я точно помню. А еще какие-то феномены, фиолетовые шары... – добавил академик, задумчиво разглядывая одинокую снежинку, спускающуюся на землю. Неужели пойдет снег?

– Похожее и тут обнаруживалось. Скажи, Сандро, а меня ведь тоже из тела вывернуло перед тем, как сюда затянуть!

⁴ См. книгу «Цена империи. Чистилище».

– Очень может быть, Мишенька, что так ты сюда и попал – сознание твое было в свободном полете. В итоге что-то совпало, что-то не получилось так, как надо... обычный русский бардак, но в результате мы тут... Живы-здоровы и можем строить планы...

– Строить планы... – Михаил Николаевич сморщился, как будто закусывал только что коньяк лимоном. – Последний вопрос, учитель, перед тем как с планами разберемся: великокняжеских детей на конюшнях пороли?

– Вроде бы нет, а что?

– Очень хочется, руки просто чешутся, б...

– Вот нет, ты посмотри на это с другой стороны – жив, здоров, имеешь шанс возглавить империю, дык еще и недоволен. Чем я тебе, батенька, не угодил? Что ждало там проваленного интригами диссертанта? Вечное прозябание и написание диссертаций под заказ, чтобы зарабатывать на хлеб насущный? Ну сам сообрази? У тебя появился шанс!

– Ага, а что мне с этим шансом делать, вот же в чем вопрос! – Михаил Николаевич еще больше набычился.

– Ну вот, ты ведешь себя не конструктивно. Начнем с основного...

– С чего это? – заинтересовался старший из псевдо-Романовых.

– На базе мне дали комплекс для расширения памяти. Читать приходилось много. Человечек может вспомнить до трети того, что видел в жизни, этот комплекс без всякой фантастики делает нашу память почти в разы эффективнее. Это обычная разработка спецслужб. Я тебе покажу. Двадцать минут утром и полчаса вечером – это чтобы освоить базовые умения. Потом основной комплекс, он по сорок минут два раза в день, но каждый день. Как хочешь, так и ищи время, но чтобы без перерывов! Ну и потом по пятнадцать минут дважды в день – это «оттачивание мастерства». Примерно через полгода сможешь вспомнить примерно три четверти информации, может, чуть больше или чуть меньше, тем не менее...

– Ага! Загнали сюда двух историков. Могли бы вместо тебя физика-ядерщика, мы бы тут ядрен-батонном помахали! – продолжал бубнить Михаил, чем вызвал вспышку гнева у стоящего напротив вьюноши...

– Да что ты тут нюни распустил, мля! Ты же мужик! Вот у меня был конкретный план, понимаешь, только он полетел сам знаешь куда, в первую очередь из-за того, что я оказался в теле юнца и ни на что не смогу повлиять. Но ты-то почти что самодержавный государь! Тебе-то что нюни распускать? У тебя есть шанс...

– Какой такой шанс? Или ты мне дашь свой план покурить? Так в это время планом не балуются, его надо в жизнь претворять! А как? У меня голова раскалывается от кучи рутинных дел, там представительство, там речь толкни, там отзаседай среди выеденных молью мозгов и новеньких парадных мундиров! Это же мука, б...ь! Никогда не думал, что работа государя состоит из огромной траты времени ни на что хорошее! Просто п...

Подросток удовлетворенно шмыгнул носом.

– А это оттого, Мишенька, что с организацией труда у тебя что в том времени, что в этом просто швах! Ты все всегда хотел сделать сам, до всего дойти лично, перепроверяя то, на что уже было потрачено время толковыми специалистами. Ну на хрена тебе был нужен факторный анализ делать под чистовик, тебя что, выкладки Арсеньева не устраивали? Потратил полгода на то, чтобы освоить на х... тебе не нужный математический аппарат, потому что потом все это пришлось из диссертации убрать! И вот снова. Во все вникнуть! Все самому перезапустить, наметить, решить вопросы... Ты уже почти десть дней у руля государством, и где твоя команда... Б...

Михаил Николаевич только руками развел в ответ. Крыть последнюю матерную тираду учителя было нечем.

Иоанн Кронштадтский

Иоанн, сын и внук священника из Суры, сельца, что расположилось на Пинеге, а в новгородских летописях упоминалось как Сура Поганая, уж больно неприветливо относились в тех местах к христианским проповедникам, молитву закончил. Почему-то он *знал*, что должно поступать именно так, а не иначе. Как будто тут взорвалась не царская семья, а какая-то важнейшая часть государства Российского и История сделала невольный поворот, но куда несет ее, было то неизвестно, а потому – страшно. А ежели страшно – иди на место страха и молись, Господь тебе укажет! И каждый день он приходил сюда после службы в Андреевском соборе. И горячо молился. Ибо не верил он, что русский человек мог совершить такое злодеяние, сие мог сделать только человек без Бога в сердце и голове. Неужели безбожие, нигилизм, отрицание всего светлого и порядочного победит и станет знаменем сего времени? Негоже это! Иоанн вспомнил последний приезд в Суру, род Сергиевых уже триста пятьдесят лет служил Господу в этих Богом забытых местах.

Никольская церковь, с которой был связан их род, все так же крепко стояла на возвышенном месте, строили на века, так, чтобы разливы реки зданию вреда нанести не смогли бы. Он тогда забрал к себе в Кронштадт матушку, Феодору Власовну, да племянника, сына сестры Анны, Ивашку Фиделина. Парень смысленый, грамотный, пристроит его, при деле будет. Так и стало: теперь он секретарь протоиерея Иоанна, без него как без рук.

«Аминь...» – прозвучало. В первые дни множество людей, особенно солдатиков, охраняющих да разбирающих завалы, рабочего люда приходило за благословением. В последние два дня вечером уже не работали, как стало ясно, что никого более из завалов не извлекут. Посему из охранения подойдут, да и только. Сего дня подошло двое господ. Точнее так: отец и сын, взрослый муж и подросток. Отчего же, узнал одного из них, великий князь Михаил Николаевич, чудом спасся в тот самый первый день взрыва. Второй, скорее всего сын его, Александр нареченный, по возрасту али он, али Георгий... Так и не скажешь. Они приняли благословение, поцеловали священнику руку и, став рядом, молились. Ему показалось, что каждый из них молился о чем-то своем, но весьма важном и сокровенном. Ну что же, когда человек говорит с Господом, мешать ему не след.

Закончив молитву, Иоанн отметил про себя, что отец и сын никуда далеко не ушли, а беседуют, устроившись неподалеку. И показалось ему на какое-то мгновение, что эти две мятущиеся души не могут найти общего языка между собою. Слишком смущен их разум, слишком много зла разлито вокруг... Слишком много плохого пережили они в сей короткий миг их жизни. Ему показалось, что должен он подойти к ним. «Иди к ним...» Почудилось? Как голос прозвучал, ласковый такой, серебряными колокольчиками заиграл на морозном воздухе. Так вот Бог разговаривает с любимыми чадами своими...

Иоанн часто поступал согласно наитию, что приходило к нему, – Господь вел его по этой жизни. Так случилось, когда он увидел себя служащим в Андреевском соборе, что в Кронштадте, бросил все, поступил на службу. Вот и женился. Так повелел ему Господь, приказывая не притронуться в грехе к супруге. Так и жили. В последнее время характер матушки Елизаветы стал портиться, вот, посты уже не соблюдает, скромное ест. Да сие – просто еще одно испытание, данное ему свыше. А еще Господь подарил ему двух дочерей (племянниц жены) Елизавету и Руфину, а еще Господь, кто же еще, исцелил по молитве его отрока (Костылева), три года прошло как... А разве не Господь сказал ему, что человек должен открыто исповедоваться в своих грехах? Так и поступал, навлекая на себя неудовольствие многих, особенно обреченных высоким саном. И сейчас поступил по наитию. Подошел.

Как ему показалось, между родственниками произошла какая-то размолвка. Довольно серьезная. Ибо глаза красные, налитые злостью и обидою были у обоих. А ведь похожи, точно отец и сын... Хотя так чаще учитель и ученик разговаривают. Один делает выволочку другому.

– Иисус же сказал им в ответ: не здоровые имеют нужду во врачех, но больные; Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию⁵. Так сказано в Евангелие от Луки. Вижу, что в смятении души ваши и ищете вы ответа друг у друга. Обратитесь к Господу. Он даст вам ответы. Он ведет вас. Важно только не кричать, а внимательно слушать, тогда и слова Господа нашего услышите, и по пути, вам предназначенном, сумеете пройти.

– В том и беда, отец Иоанн, что сбились мы с пути и найти его не можем. Ни раб Божий Михаил, ни раб Божий Александр! – горько произнес старший из них.

– Сложно прозреть слепому. Но слепой у Иерихона увидел Господа нашего Иисуса Христа сердцем своим. Потом пришло прозрение и глазам его. Ибо вера в основе всего. Вы потеряли веру в себя и в Господа нашего. Укрепитесь в вере. И Господь вас не оставит.

И Иоанн протянул обоим по простому деревянному кресту, освященному на вечерней службе в Андреевском соборе сего дня. Оба были простой, даже грубоватой работы и находились на обычных черных ниточках-шнурках, даже не шелковых... Они взяли сии кресты, каждый поцеловал его, и отец Иоанн почувствовал, что Господь улыбается, глядя на них. И это значило, что все будет хорошо...

На следующий день к отцу Иоанну, протоиерею, пожаловал курьер. Он протянул священнику конверт. В нем был чек на весьма солидную сумму, даже так на очень даже неприлично большую сумму. И записка. «На благие дела. От неизвестного».

«Нет никого неизвестного Господу», – подумал про себя отец Иоанн. Но если великому князю Михаилу Николаевичу так блажит, отчего же. Пусть будет сей взнос от анонима. Так и запишем. Но в записной книге своей появилась иная запись: «Прислано... рублей от в. к. Мих. Ник., велевшего остаться инкогнито. 25 февраля 1880 года».

⁵ Евангелие от Луки, гл. 5 ст. 31,-32.

Глава четвертая

Захотелось пострелять... опять

*Я тренируюсь не для того, чтобы стать
сильнее других, а для того, чтобы стать
сильнее слабостей своих и лени!*

Петр Квятковский

Санкт-Петербург. Манеж. 5 марта 1880 года

ЕИВ Михаил II

После разговора с некоторыми людьми рука инстинктивно тянется к револьверу. Хочется пристрелить кого-нибудь. Ну, мне пока одной Веры Засулич достаточно⁶... Запулил в историю-мать, можно сказать, на весь дебют царствования хватило... Впрочем, потешить себя на стрельбище идея-то недурственная. Вот по окончании всех самых неотложных дел я и собрался посетить творение великого Кваренги, именуемое в народе Манежем. Место тренировок кавалергардского полка чуть было не стало выставочным залом. Сперва, почти тридцать лет тому назад, «батюшка» Николай I, батюшка в кавычках, ибо он отец исключительно моего тела, а вот сознанием его сынок влился в мое, при подавляющем преимуществе попаданца... Извините, отвлекся, так вот, тридцать лет назад в этом Манеже прошла первая выставка, организованная Императорским Вольным экономическим обществом, и на ней были выставлены произведения... сельского хозяйства. Таков был император Николай, первый сего имени, затейник! А чуть более двух лет назад Государственная дума соизволила отметить столетие покойного государя Александра I художественной выставкой. Мсье Бенуа расстарался, и участь Манежа стать вместо тренировочного зала кавалеристов тренировочным залом зрительных нервов восторженных почитателей изобразительного искусства была практически решена. Но не сейчас. Дзуськи вам! Потехе будет час, и не сейчас!

А посему поздно вечером я очутился в Манеже, где конные экзерциции уступили место иным тренировкам. Тут проходили отбор и тренировались уже прошедшие первое сито отсева охранники царской семьи, то есть мои собственные, да и вообще – структура, которая в будущем будет охранять высших должностных лиц государства.

– Петр Александрович! Как ваши успехи? – я обращаюсь к высокому генералу, руководившему тем бардаком, что назывался тут тренировкой. Казаки на конях, те, кому придется обеспечивать парадную охрану, тренировались в джигитовке и демонстрировали красоту выездки. Да, смотреть приятно. Но для цели сохранения жизни государя и его семьи несколько...

– Разминаются казаки лейб-гвардейского казачьего эскадрона, ваше императорское величество! После чего у них стрельба и рубка. Стрелять обучаются как из карабинов, так и револьверов. Извольте посмотреть, или хотите руку размять?

После покушения я ежедневно стараюсь «размять руку», отстреливая по полусотне примерно патронов. Во всяком случае, на ворошиловского стрелка не тяну, но поглядываю. В молоко пули не посылаю. Пора начинать тренировать стрельбу в движении.

– Хотелось бы сегодня попробовать побегать...

– Вот оно как! – чешет затылок генерал. Потом выдвигает встречное предложение: – А ежели сначала пару барабанов по мишеням на скорость? А потом и в движении постреляете! Михал Иваныч все подготовит, не сумлевайтесь!

⁶ В этом варианте истории великий князь Михаил Николаевич застрелил Веру Засулич во время неудавшегося покушения (см. книгу «Цена империи. Чистилище»).

Конечно, услышать это «сумлевайтесь» от целого товарища министра внутренних дел, да еще и товарища шефа жандармов... Это было нечто, но генерал Черевин долгое время командовал казаками, и в составе Конвоя были казаки-гвардейцы. Общение накладывает... Выбор этого человека был прост: в свое время именно он и подполковник Ширинкин организовали охрану императора Александра Третьего, ныне так и не ставшего императором. От добра добра не ищут. Сразу после взрыва в Зимнем появились слухи, что генерал Черевин погиб в Зимнем дворце. Они оказались несколько преждевременными. Откопали. Повезло человеку очутиться далеко от эпицентра взрыва, да еще и перекрытие потолка удержалось, на его счастье. Так что злости на бомбистов у него было хоть отбавляй. А подполковника Ширинкина я ему по той же моей памяти сосватал. Вот только Евгений Никифорович занялся, как и в моем варианте истории, тайной охраной государя. И тренировался он со своими молодчиками, коих набрано было уже восемь человек, конечно, не в Манеже.

Ну что же, взял в руки револьвер, тот самый «Беби Раша»⁷, револьвер Смит и Вессон, модель 2, производимый как раз для России. Небольшие размеры, действительно короткоствол, делали его выгодным оружием для скрытного ношения.

К его недостаткам можно было бы отнести всего пять патронов и их не слишком высокое останавливающее действие, но мне-то как раз нужен был револьвер «последнего шанса», ибо я лицо охраняемое и отстреливать врага-супостата на дальней дистанции – это не моя работа. Кстати, подал Иванычу идею по пулям пройти аккуратно – крестовый надпил сделать, интересно, как это на останавливающем эффекте отразится? Тот задумался, пообещал и пули изготовить, и как-то мою идею проверить. Не на живых же людях. А на ком? Вот и сказал, что подумает. А я так понимаю: на мою долю может достаться один или несколько счастливых случаев, которые прорвутся сквозь линии охраны. И тогда получается бой на короткой дистанции, и важнее иметь возможность быстро выхватить и воспользоваться оружием, которое не будет сильно мешать, цепляясь за одежду. Впрочем, сегодня, после стрельбы, собираюсь заехать к мастеру за кобурой скрытого ношения. Еще до покушения заказал. Забрать не успел.

Отстрелял в статичном положении четыре серии по пять патронов более чем хорошо. Уже третий день пули не уходят в молоко, можно сказать, что жгу патроны не напрасно. Потом взялся за артиллерийский «Кольт»⁸.

Да, тяжелая дура, но эта дура сейчас вроде как стандартное вооружение артиллерийских офицеров. Для них закупали. Интересно, им надо отстреливать врага еще до дистанции выстрела картечью? Странное оружие, как на мой взгляд. Удивительно, но из него у меня точность и кучность получше. Это проще объяснить: хват двумя руками, медленнее идет прицеливание, темп стрельбы вообще никакой. То ли «Бэби» – отбабахал все пять патронов, почти как из пулемета. Вообще-то мне предстояло пострелять еще и из револьверов да пистолетов других систем: мало ли что подвернется под руку в сложной ситуации. Но сегодня я хотел попробовать стрелять в движении, но переоценил я свое состояние, переоценил. Все пули настойчиво уходили в молоко, я никак не мог поймать темп, в котором надо жать курок, чтобы попасть в мишень, даже задеть ее. Да, физика подкачала. Как говорится, хочешь изменить мир – начни с себя. А у меня тело еще не совсем старое, но и молодым и гибким его не назовешь. В принципе, Михаил себя не сильно запуская. И стараниями батюшки физическое состояние свое поддерживал, да и особых изысков в питании не приветствовал – любил простую еду, без всяких там французских новомодных штучек, именуемых «высокой кухней». Ему бы не высокую, а сытную... Вот только последние месяцы в Госсовете, когда двигаться стало неуместно пеш-

⁷ Smith&Wesson (S&W).Model2, также известный как Smith& Wesson.38 Single Action – пятизарядный револьвер калибра.38 S&W.

⁸ Colt Single Action Army 1873. «Артиллерийская» модель.

ком, всюду в карете, даже не верхом... Вот и теперь надо эти соснакопления, лишний жирок подрастрясти.

Так что, как только рука позволит, стану себя нагружать чуть меньше. А пока набиваю свой «Бэби», думаю, попробовать, что ли, подвигаться с «кольтом»? Почему артиллерийский «кольт» а не «Смит и Вессон».44 Russian? Так при всех почти похожих характеристиках мне в руки он лег как-то удачнее. И стойку, и хват двумя руками как-то сразу ухватил...

– Ваше благородие! Вам рановато так руку нагружать, погодите-ка пару-тройку деньков. Тогда и в движении пойдеть, тама не целиться надо, а рукой водить...

Это Михаил Иванович, ветеран, охранявший еще Николая Павловича. Фамилия у него что ни на есть русская – Сидоров, не Иванов или Петров, но тоже очень даже... Он тут за стрелковую подготовку отвечает. Это ему я обязан своим «Baby Russian». И да, тут, на полигоне, я штабс-капитан Романов и обращаются ко мне соответственно. А то пока произнесут «Ваше императорское величество»! Да еще как положено, с придыханием и почитанием... Ах! Читал я где-то, что командный язык самый короткий у англичан, у французов и немцев чуток подлиннее, еще длиннее у японцев. А вот русский – он чуток короче японского, но в бою применяется русский командный матерный, который короче всех. Поэтому мы всех и колотим... Ага! Прямо-таки всех...

– Вот, ваше благородие, а не соизволите все-таки попробовать револьверт Энфилда. Сыроват он ишшо, так это не беда. Но вот под вашу руку, думаю, будет он как раз самое то, не то что кольты, вы опробуйте, корона чай не спадет...

Ну вот, пошутил, ну, Иванович такой тип, ему можно. Его на полигоне все побаиваются, даже я лично. Есть у человека талант – точно подбирать оружие. Он мне Энфилд Mk II еще третьего дня предлагал, да я тогда отказался, мне почему-то не глянулся этот...

– А что, ефрейтор Сидоров, почему бы и не отстрелять три-четыре барабана? На пробу. Раз говоришь, что корона не упадет. Так и падать пока нечему – не коронован еще...

– Ну так мы с понятием, – подмигивает Иваныч и протягивает уже снаряженный револьвер.

Интересно, на что этот типчик намекает? Ладно, потом буду расшифровывать ребусы. Пока прицельюсь. О! А тут на стрельбище рядом со мной выходит еще один мужчина примечательной наружности в генеральском мундире. А что, батенька, я тут не только пострелять, я еще с вами, милейший друг, побеседовать имею цель. Вот отстреляемся, потешим свое мужское эго, можно будет потом и поговорить...

Надо сказать, что в свое время серьезный разговор с академиком, он же Коняев, он же Сандро, серьезно сдвинул мое восприятие реальности с какой-то мертвой точки. После того как мы пообщались с отцом Иоанном, как-то сам по себе накал страстей спал, и мы перешли к вполне деловому обсуждению действительности. Тем более что у Михаила Николаевича был детальный план реформ и преобразований, но он сам признался, что план этот ни к черту не годится и проверкой реальностью не выдержит. Историю делают личности. Кто бы и что бы ни говорил о законах исторического процесса. Но личность – это та песчинка, которая может не только затормозить историческую реальность, но и способна повернуть ее в совершенно противоположную сторону.

Исходя из этого мы и начали строить некие планы...

И самым сложным фактором во всех наших конструктах стал некий господин Валуев. Вот это была фигура, которая становилась для всего нашего проекта критической. Человек подобного влияния и таланта мог как потопить любые наши начинания, так и продвинуть их вперед. И не надо думать, что переиграть бюрократию приказными методами легко и просто. Бюрократия та еще гидра. Рубишь у нее одну голову, на ее месте вырастают три, и куда как более кусачие. Сейчас появилась одна идея, которую в ближайшее время мне предстоит реализовать. Разыграть небольшой спектакль. И от моих актерских талантов зависит, поверит ли мне

Петр Александрович, будет мне помощником, либо станет камнем, который надо будет аккуратно с пути корабля убирать. Еще одна фигура – это Тимашев. Генерал – человек преданный, аккуратный, но новым кругом обязанностей тяготится. Мое решение посвятить его в слишком интимные тайны государства было ошибкой. Он не готов измениться настолько, чтобы стать новым товарищем Берия. Эх! Кадровый голод, так-то и не думал, что выбирать пока не из кого... Слишком многие обязаны не мне, слишком много связей с абсолютно пустыми людьми! И слишком мало знаний, которые действительно могли бы пригодиться. И это при том, что мы с академиком считаемся профессионалами и специалистами по этому времени. Только слишком академичными специалистами. А тут надо другое, что-то другое, не пойму пока что...

Ладно, что это я о личностях. А о людях? Вы представляете, что нам предстоит сделать, чтобы вытащить страну из того дна, куда она неизбежно валится, не выдерживая гонку с промышленными гигантами, рвущими мир на куски? Преодолеть за два десятка лет ту пропасть, которая разделила нас с западным миром? Ну, это все мечты. Надо сделать рывок, понимая, что на самом пике могущества нам постараются подрезать крылья. И как всегда, союзника у России два: армия, флот и жандармерия в придачу.

Вопрос же о людях стоит остро как никогда. Он стоит архиостро! На стройки века нужны люди. В армию нужны люди, на земли Сибири и Дальнего Востока нужны люди! И где их брать?

Конечно, если учесть, что в крестьянской семье из семи детей умирает в младенчестве четверо-пятеро, то вроде бы ясно, откуда можно человеческий ресурс черпать. Только победить детскую смертность – это победить нищету, обучить человека, привить правила гигиены, да и накормить труженика села, наконец. А отдача от программы будет реально через полтора-два десятилетия. А денег на это все потребуется! А еще есть чиновная душа, которая будет составлять отписки и спускать все твои начинания на тормозах. Вот и получается, что очень нужно что-то придумать. Ибо благие пожелания есть, сколько угодно. Есть даже понятие, как чего избежать и чего толкового добиться. Пути проложены, пусть и на бумаге карандашиком. А вот людей нет. Некому эти планы в жизнь претворять. Ну, начнем с того, что будем создавать маленькие команды единомышленников. И все-таки вопрос с Валуевым надо решать. Он или с нами, или должен почить с миром... Последняя жертва революционного террора. Может быть, так будет необходимо.

Выпустив крайнюю пулю, стал прислушиваться к своим ощущениям. Револьвер Энфилда мне пришелся по нраву намного более, нежели артиллерийский кольт, разница колоссальная. Наверное, прав инструктор Сидоров, мне это оружие больше по руке. Опять-таки, пробовал хват двумя руками, но показалось мне, что одной рукой тоже будет неплохо. Попробовал. В принципе, неплохо, для первого раза. Подсчитал. Прослезился. Я сегодня патронов не на один рублик пожег. Так своя шкура вестимо дороже рубликов, как бумажных, так и золотых.

А ведь пострелял – так и попустило, стало на душе как-то спокойнее. Отчего ж это так? Обычная перестройка сознания? Кстати, упражнения, которые дал Сандро на развитие памяти, работают! Я тут такое наприпоминал! Даже читанную когда-то детскую энциклопедию могу каждую статью произвести на память. Не дословно, но близко к тому.

Вот, вспомнил, как мне удалось несколько раз поставить в совершеннейший тупик самого Менделеева. А что? Незадолго до собора, точнее, накануне его, пригласил я господина Менделеева на завтрак в узком семейном кругу. Надо сказать, что великому ученому было всего пятьдесят шесть лет, он был полон сил, борода и шевелюра его еще не была седой, разве что чуть-чуть, как говорится, «тронула волосы его седина», не помню, чья эта фраза, да и бог с ним. Так вот, во время завтрака Георгий задал вопрос Дмитрию Ивановичу о сути его открытия Периодической системы элементов. Вопрос звучал примерно так: «Что выражает сия таблица? Чем она помогает ученому?» Я заметил, что великий ученый несколько «подвис», я, уверенный, что он просто испытывает трудности с формулированием простыми словами сути своего открытия, брякнул, что сия система показывает зависимость свойств химических эле-

ментов от строения атома сего элемента, выраженного через вес атомного ядра. Каюсь. Устал. Настроивался на беседу совершенно на другую тему. Увидев разгорающийся в глазах великого ученого фанатический блеск, предложил перейти к десерту и продолжить нашу беседу уже в формате тет-а-тет.

Через полчаса великий химик взял меня в оборот, вцепившись клещами... Пришлось импровизировать на ходу:

– Дмитрий Иванович, в бумагах покойного брата Александра я обнаружил записки некоего немецкого химика Майера. Студент Уго Майер погиб на дуэли. В своей работе, нигде не опубликованной, он выдвинул странную теорию строения атома из кубиков. По его мнению, атом состоит из ядра и оболочки. Оболочка имеет отрицательный электрический заряд, ядро – положительный. Ядро состоит из кубиков – положительных и нейтральных. Число положительных кубиков соответствует номеру элемента в вашей таблице и количеству отрицательных зарядов в оболочке. Более подробностей не требуйте – не помню. Но обещаю постараться эту работу найти, там еще что-то было про сущность валентности, извините. Не химик, не вспомню.

– Я могу эту работу увидеть?

– Думаю, что оригинал погиб во время взрыва в Зимнем. – Увидев, как вытягивается лицо ученого в невыразимом отчаянии, добавил: – Надеюсь, в моем личном архиве должен сохраниться перевод, не уверен, чистовой или черновой, думаю, вы сможете разобраться.

Вижу, что Менделеева попустило немного. А вот потом я его как химика пригрузил. Созданием взрывчатых веществ, новых и мощных, во-первых, формула бездымного пороха, подсказав его приблизительный состав и участие в технологическом процессе хлопчатника, как важнейшего элемента. Нитроглицериновые пороха. А потом объяснил, какое огромное количество кислот, в первую очередь азотной, надо для производства взрывчатки. Узнав потребности во взрывчатых веществах, Дмитрий Иванович посмотрел на меня совершенно очумелым взглядом.

– Но вы ведь понимаете, что это невозможно вообще?

– Знаю, что это надо сделать, а возможно или нет – это уже несущественно. К сожалению, совсем недавно ушел из жизни выдающийся ученый Зинин, получивший анилин из бензола. Скажите, построить химический завод по производству анилина и красителей на его основе возможно?

– Да, ваше императорское высочество, это будет гигантская химическая лаборатория. Строительство такого предприятия станет серьезной основой для развития всей химической промышленности, которой у нас фактически нет.

– А знаете что, Дмитрий Иванович, давайте мы с вами соберемся через десять дней. Думаю, нам надо привлечь лучших ученых-химиков, которые разработают пути решения проблемы взрывчатых веществ и их получения путем создания независимой химической промышленности империи. И еще... Назовем этот орган... «Анилиновым комитетом» и официально будем строить заводы по производству анилиновых красителей. Для секретности. Надеюсь, вы понимаете, что секретность в этом деле на самом первом месте...

О! Кстати, Илларион Иванович отстрелялся, что-то уже с генералом Черевиным обсуждают. Значит, мне пора – клиент для разговора созрел. Клиент – это я.

Глава пятая

Первый блин комом

*А в социализме много хорошего, но он
не получился у нас, первый блин комом –
не надо второй блин делать.*

В. Жириновский

Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец.

28 мая 1889 года

ЕИВ Михаил II

Мне еще никогда не было так стыдно. Я держу в руках книгу мемуаров покойного военного министра при двух императорах, Дмитрия Алексеевича Милютин, и испытываю дичайшие чувства: стыда, горести, сожаления. Этот талантливый человек из-за меня прожил на двадцать лет меньше. Зачем его потянуло на войну? Шальной осколок, тяжелое ранение и медленное угасание под присмотром врачей, растянутое на три месяца. К сожалению, ничего не получилось, медицина не смогла спасти этого человека, ставшего весьма дорогим и ценным сотрудником и соратником в самом начале моего царствования. Горе, сожаление, мог же не пустить, удержать, так вот вам... Стыд... Стыд от того, что прочитал в его воспоминаниях. Как историк я знал, что Милютин не слишком высоко оценивал военные таланты Михаила Николаевича, оценивая его личную храбрость и в Крыму, и на Кавказе, но при этом считал, что от командования армиями меня надо держать как можно дальше. А тут вдова передала его дневники в мой секретариат. И я читаю про то самое первое совещание, которое я провалил, и стыд за оное терзает меня до сих пор!

Все началось с выбора помещения: у меня была идея прекратить эту порочную практику государей превращать свои личные покои в рабочие станции, однако же, скорее всего, иного выхода пока что не предвидится. Помню, последний раз окинул взглядом помещение, в коем предстояло провести расширенное совещание, как бы это сказали в далеком будущем, «с руководителями силовых структур». И оно мне активно не понравилось. Кабинет, как площадку для деловых переговоров, пришлось срочно сменить по совету Сандро. После того как я откровенно беседовал со своим «сыном», этот шельмец с ехидной улыбкой проинформировал своего милого папа об отличной возможности подслушивать каждое слово, произнесенное в его апартаментах. И, кстати, чем он лично занимался время от времени. Никогда не думал, что с юным телом в академике проснется вуайерист! Нет, за нами с «супругой» он не подглядывал, но вроде как подслушивал, судя по его хитрой и довольной физиономии. После тщательных поисков во дворце на одном из этажей нашлась анфилада комнат, войти в которые можно было только через одну дверь. Весьма ценным было наличие умывальника и иных удобств, а также место для секретаря и охраны. Все это напоминало стандартные дворцовые покои великого князя: приемная, из которой попадаешь в гостиную, оттуда кабинет и спальня, а кому не повезет – только спальня. В общем, под руководством Ольги Федоровны эти три комнаты (последней были совмещенные кабинет и комната отдыха) очень тщательно готовились к предстоящему мероприятию. И зачем я отдал это дело на откуп супруги? Замотался. Не посмотрел, как и что происходит. И вот результат! Помню, какой бой выдержал, пока не вынес из кабинета все лишнее. Да еще и не все! Сослался на траур по брату. Не поверили. Но как отмазку приняли.

Ольга Федоровна же решила выказать моим посетителям максимальное уважение (по местным меркам), учитывая и солидный возраст пришедших, и их высокий статус в обществе. Вот блин, никак не могу из этих рамок сословных условностей выбраться. Постоянно на какие-то новые нюансы натываюсь. А сколько времени и сил они забирают! Такое впечатление, что

современники просто не знают, как лучше и эффективнее убить время! И делают это с умопомрачительным мастерством. Когда я обалдел от места для совещаний, Ольга мне стала объяснять, как младенцу, сии нюансы, мол, возраст за шестой десяток, им должно быть удобно, а еще не забывать надо, что совещаться вы можете долго, так и для чаепития или перекусов надо, чтобы было все готово. Да я не против того, чтобы, обсудив какой-то вопрос, прерваться на чай! Но чтобы в комнате для заседаний кроме большого стола с разложенными чистыми тетрадками с пронумерованными и прошитыми страницами и заточенными карандашами, письменными приборами еще и столик для фуршета расположился. Этого было мне уже за глаза. На этом вместилище перекусона расставили несколько графинов с вином, коньяком и водкой, а также тарелки, вилки и несколько блюд с холодной закуской. Что касаясь чая или кофе, то самовар и булютка находились в постоянной готовности. Это что, во время обсуждения государственных секретов будет сюда вваливаться половой и раздувательством самовара заниматься? Вы себе как это представляете? Понятно, почему о планах российской императорской армии вражеский генеральный штаб узнавал раньше собственного! Использовать спиртное в качестве своеобразного антистрессового средства было привычно для всех царствующих Романовых, за исключением, пожалуй, Николая Павловича. Вот и есть на кого ориентироваться, а не на Петра Великого, который наворотил бы меньше ерунды, если бы не реформировал страну спяну.

После того как почти взбешенная императрица удалилась из рабочего помещения, а вслед за ней в уголок при секретаре переехал и столик с запитками да заедками, началось мое настоящее позорище. И читать об этом мне просто жуть до чего неудобно. А ничего, чтение сие познавательное, дабы не зазвездился раньше времени.

Генерал Милютин (из дневника от 5 марта 1880 года)

На моей памяти уже у третьего государя достаиваюсь аудиенции. Николай Павлович... Да, где-то так, именно отца мне напоминает Михаил Николаевич. Николай Павлович был прост, не любил показной роскоши, бывал грубоват, но при этом и справедлив. Каким будет новый император, его младший из сыновей? На совещание у его императорского величества я приехал немного заранее. Крепкие морозы отступили, но было достаточно морозно, дабы продрогнуть даже в моем собственном экипаже. Но государь меня приятно удивил. Нас провели не в его кабинет, а в боковую анфиладу комнат, где был обустроен новый рабочий кабинет императора. В небольшой приемной был стол секретаря, занятого разбором каких-то бумаг. Там же находился дежурный адъютант и – сюрприз! – столик с горячительными напитками и чайным прибором. Памятуя важность совещания, от мысли согреться изнутри я отказался, а вот горячим чаем решил воспользоваться. Тем более что были маленькие вазочки с вареньем и медом, а мед с горячим чаем лучшее средство от морозной погоды. Пока пил чай, я отошел к окну, выходящему во двор. И вот я заметил, что под всеми окнами внутреннего двора находились охранники. Да, Михаил, Второй сего имени, мерами охраны не пренебрегал. Как и мерами соблюдения секретности, если я все правильно понял. Вскоре появились Валуев и Тимашев. Шеф жандармов побаловал себя чашечкой кофею, благо кофейник находился на том же столе, а вот господин Валуев не преминул согреться небольшой рюмкой ликеру. Петр Александрович спиртным не злоупотреблял, но в употребительстве оного слыл гурманом, толк в напитках знал, а потому даже глаза от удовольствия прикрыл, оценив качество выпитого.

Тем временем в приемной раздался звоночек, адъютант заглянул в кабинет государя и торжественным голосом пригласил всех войти. Михаил Николаевич, как гостеприимный хозяин, встретил входящих гостей и обменялся с каждым из вошедших крепким рукопожатием. Я обратил внимание на даже излишнюю аскезу убранства сего кабинета. Ничего даже близко не напоминало ни кабинет Александра Николаевича, его старшего брата, ни его собственный, в котором я, правда, бывал всего один раз до сего времени. Когда все разместились за столом, государь сразу взял слово:

– Господа, хочу напомнить вам, что на совещаниях в тесном кругу мы не чинимся, это дань уважения нам и нашему времени, которое дорого стоит и его ни на что не хватает. Увы, не могу своим указом сделать в сутках двадцать шесть часов, так что работаем! Сегодня мы должны решить важнейший вопрос, от которого зависит вектор развития Российской империи и даже факт его существования.

От этих слов я внутренне содрогнулся. А Михаил положил перед каждым простенькую папочку.

– Прошу вас! Следствием установлено, что взрыв в Зимнем дворце совершен группой террористов-народников; непосредственный исполнитель – Степан Халтурин, погибший во время взрыва, руководитель акции – некто Андрей Желябов. Но у этого взрыва есть и другой аспект: он был совершен по наущению и при координации некоего Фиппса, третьего секретаря посольства Великобритании в Санкт-Петербурге. Как следует из показаний сего господина, непосредственный приказ на проведение акции пришел от премьер-министра Уильяма Гладстона, был подтвержден Бенджаменом Дизраэли. Посол в этой партии был ширмой, его играли «вслепую». Итак, господа, мы имеем натуральный *casus belli*⁹. Прошу высказываться, кто что думает по сему вопросу.

– Скажите, мы официально арестовали сотрудника британского посольства, имеющего дипломатическую неприкосновенность? – поинтересовался мгновенно побледневший Валуев. Я обратил внимание на то, что Тимашев абсолютно спокоен, более того, даже как-то ухмыляется, чуть-чуть, уголком губ. Он и ответил совершенно спокойно:

– Официально господин Фиппс беспробудно пьянствовал, потому во время эвакуации посольства на корабли флота Британии он «потерялся», был допрошен как обычный пьяница и вор. Его пьяные показания подтвердились и были уточнены уже на трезвую голову. Много пить – делу вредить!

И генерал наставительно помахал пальцем у себя перед носом.

– Сомнительная версия, но на суде прокатит... – чуть успокоился Валуев.

– Это если до суда дойдет, – заметил в ответ император Михаил. – Прошу вас заметить, что при покушении на императора Павла Петровича английская эскадра тоже спешила в наши пределы. Интересная тенденция, не правда ли? Фактически мы уже находимся в состоянии необъявленной войны с Великобританией. Нам предстоит серьезный и долгий разговор о готовности к сей угрозе. Мы будем обсуждать очень важные вопросы, и я прошу высказываться прямо, не стесняясь и не боясь обидеть друг друга. Вы патриоты России и люди с честью. со знанием дела выполняющие свой долг на важнейших постах в империи. И нам вместе предстоит не только выстоять в нелегкий час, но победить извечного врага. Прошу вас, Дмитрий Алексеевич, мысли, вопросы, предложения?

Я собрался с мыслями и постарался изложить свои аргументы наиболее полно и точно. Получилось несколько сумбурно. Но я не знал темы совещания и заранее не готовился, что может меня несколько извинить.

– Как военный министр, я могу ответить за состояние армии, флотскими делами я не занимаюсь. С положением на флотах знаком только по слухам. А война с Британией – это война морская, а не сухопутная. Если говорить о готовности армии к сухопутным действиям, то она готова выполнить волю государя. Но вопрос только в том: где, когда, какими силами? Десантная операция на Остров – даже Наполеон такое не осилил. Удар по колониям? Но без поддержки флота сие невозможно: действия армии в отрыве от баз снабжения делает упор на возможности флота его туда доставить. С политической точки зрения... как я понимаю, в ближайшее время общеевропейской коалиции противу России не предвидится. А потому

⁹ Казус белли (*лат.*) – повод для войны, причина войны. Событие, ответом на которое может быть открытие военных действий.

решение надо принимать исходя из возможностей нашего флота противодействовать флоту Виктории.

– Тайная война с королевством уже идет. Какой смысл делать ее явной? Нам надо постараться нанести островному королевству ущерб, который будет весьма ощутимым, но объявлять войну, не имея шанса нанести быстрое военное поражение противнику, считаю неразумным, – коротко и по-военному четко отозвался Александр Егорович. Ну что же, иного ответа от шефа жандармов сложно было ожидать.

– Ну что же, тогда история с посольством Британии становится мне ясной, к сожалению, я не был в курсе с самого начала, – не без неудовольствия произнес Валуев.

Он хотел было продолжить фразу, но был перебит государем:

– Дорогой Петр Александрович! Не думаете ли вы, что я высказал вам свое недоверие или неудовольствие? Конечно же нет, только в той папочке, что вы держите в руках, на самой последней страничке есть заметка господина Фиппса, что сведения он получал от вашего секретаря, а также из ближайшего окружения вашей дорогой супруги. Чтобы не подставить операцию под угрозу провала, мы не могли ни изъять бесследно вашего секретаря, ни, тем более, провести беседы с некими дамами, которые, не думая, слишком сильно распускают языки. Поскольку эта операция подходит к концу, наш дорогой адмирал Бутаков делает все, чтобы выставить броненосцы королевского флота из Маркизовой лужи. Думаю, ваш секретарь уже беседует с нашими доблестными жандармами. С супругой вы поговорите сами. И вам это будет хорошим уроком.

– Прошу простить меня, государь, и принять...

– А вот про это даже не думайте! Вы человек недюжинного ума, поймите, если бы мы вам рассказали эти нюансы заранее, вы не смогли бы не изменить своего поведения, и по отношению к вашим близким сие стало бы заметным. Только из этих соображений, а не из недоверия к вам лично! Все дело в том, что отношение к секретам в нашем обществе слишком легкомысленное. И именно нам с вами эту тенденцию необходимо ломать.

Валуев покорно склонил голову, я заметил, что настроение его несколько улучшилось. Он даже собрался с мыслями и произнес:

– Думаю, объявлять Британии войну нет смысла, посему нет смысла и обнародовать показания Фиппса. А вот ознакомить с ними тайно то одного монарха, то другого... Слухи, что нам все известно, могут оказаться намного полезнее прямой угрозы.

И я заметил, что Михаилу Николаевичу слова главы правительства пришлись по душе. Подводя итоги короткого совещания, император сказал:

– Господа, что касемо объявления войны Британии... Я не думаю, что в ближайшие годы наши армии сойдутся в штыковой атаке или обменяются артиллерийскими залпами, как это было в Крыму. Разве что англичане попытаются высадить десанты где-нибудь на побережье России или заблокировать наши торговые операции морским путем. Правда, большая часть торговли идет у нас не по морю. Но такой поворот событий сильно затруднит наше продвижение на Дальний Восток, где освоение просторов и так идет непозволительно медленно. Но на сей случай меня информировали наши адмиралы, что разработан план крейсерской войны в Атлантике и Тихом океане, направленный на истребление торговли островитян, что для нации торгашей и пиратов смерти подобно. Для меня сей план представляется несколько сомнительным. К сожалению, пролив надежно защищает Британию, а морской десант невозможен без мощного флота. Разве что дожидаться, когда построят туннель под Ла-Маншем, но это скорее сюжет для нового романа месье Жюль Верна, чем реальный проект. Мы пойдем иным путем и начнем против Англии свою необъявленную войну, вот только вести ее надо иначе, забыть про всякие там рыцарские поклоны и правила. Теперь правила устанавливать будем мы сами. А пока мы перейдем ко второй части нашего совещания – направление наших военных усилий и оценки их возможностей, предлагаю немного подкрепиться. Сие не повредит ни телу, ни духу.

Государь позвонил в колокольчик, и по его звонку секретарь вкатил в кабинет тот самый фуршетный столик, который, как оказалось, был на колесиках. Гвардеец установил на подставку пышущий жаром самовар, после чего мы отдали должное напиткам, не налегая на спиртное. Сам государь выпил даже менее чем полбокала сухого грузинского вина, Валуев отдал должное тому же ликеру, что и до начала собрания, а мы с Тимашевым по-простецки выпили водочки, на которой значилась этикетка «Водка менделеевская». На вкус водка оказалась не менделеевской, а анисовой, а на вопрос, почему такое название, государь поведал, что она сделана по рецептуре нашего дорогого химика и доведена до искомым сорока градусов. Но вся рецептура сего шедевра Дмитрию Ивановичу неизвестна, и это личная тайна императорской семьи.

Глава шестая

Гамбит на минном поле

Сначала надо вязаться в серьезный бой, а там уже видно будет.

Наполеон I Бонапарт

Финский залив. 5 марта 1880 года

Лейтенант Макаров

Степан Осипович подошел к зеркалу. Аккуратно выбритый, с роскошными почти казацкими усами, кои он аккуратно привел в идеальный порядок.

Он совсем не был похож на того адмирала с порт-артурских фотографий. Чай, не адмирал, борода ему не положена!¹⁰ А внешность его напоминала славного малоросского казака-запорожца, одень его в просторную белую рубаху да красные необъятные шаровары, накинь на плечи жупан да поставь на нос чайки – боевого струга запорожских казаков, так тут же раздастся молодецкий свист, и по приказу атамана бросится утлый човен¹¹ брать на абордаж страшную и неповоротливую турецкую галеру.

Степан Осипович, числившийся командиром парохода «Великий князь Константин», сразу после Рождества был вызван в Санкт-Петербург с Черного моря, где отличился, первым применив самоходные мины в русском флоте. Его вызвали в Кронштадт по приглашению адмирала Бутакова, который хотел, чтобы черноморский лихач поделился своим опытом с командирами минных кораблей. Всего кораблей для минной войны на Балтике было уже семьдесят четыре, а по весне должны были довести их численность до ста единиц. Сие были миноноски – небольшие кораблики, на палубах которых устанавливали два минных аппарата на вращающихся станках, практически лишённые артиллерийского вооружения. Их задачей было подойти к кораблям противника, сбросить самодвижущиеся мины и как можно быстрее улепетьваться, не подставляясь под огонь вражеской артиллерии. По мнению адмирала Бутакова, именно такие корабли на мелководьях и узостях Финского залива могли бы стать самым эффективным оружием даже против броненосцев.

Степан Осипович прибыл в Кронштадт полон радужных надежд. Но тут неожиданно Григорий Иванович вышел в отставку и морским чинам в Кронштадте стало не до Макарова. Правда, командированный лейтенант не сильно расстроился: в столицу он прибыл вместе с женой, Капитолиной Николаевной, урожденной Якимовской. В браке они состояли чуть более полугода, посему вояж в столицу воспринимали как своеобразное свадебное путешествие, да еще и за казенный кошт. Впрочем, прелести зимнего Петербурга стали быстро надоедать молодому офицеру, ожидавшему производства в новый чин, тем более ценз позволял, начальство к нему благоволило, дело было за малым – бумажкой из-под Шпица. Но деятельная натура будущего адмирала противилась праздному ничегонеделанию. Он умудрился выступить с серией докладов в Русском географическом обществе, произведя там весьма приличное впечатление, поговаривали, что его хотели даже наградить каким-то знаком отличия, но все это было на уровне досужих сплетен. Макаров стал даже прикидывать, каков корабль нужен для того, чтобы ломать мощный панцирь льда у Кронштадта, дабы боевые корабли флота могли в любое время выйти на чистую воду и не зависеть от ледовой обстановки в Маркизовой луже. Но после

¹⁰ Усы, бороды, бакенбарды... вроде бы мелочь, но еще при Екатерине Великой армейские чины гладко брились, чем отличались от гражданских. Усы в армии были разрешены при Александре I для кавалерии и для всех офицеров при Николае I. И только в 1874 году император Александр II разрешает и бороды, впрочем, долгое время бороды почему-то считались привилегией именно генералитета.

¹¹ Лодка (укр.).

взрыва в Зимнем дворце и трагической гибели императора и членов царской семьи время понеслось вскачь. Вскоре адмирал Бутаков вновь стал старшим флаг-офицером русского флота на Балтике, а еще через несколько дней произошла долгожданная встреча лейтенанта Макарова с командирами миноносков, которые завалили его таким количеством вопросов, что пришлось провести еще две такие же беседы. И тут второго марта Степана Осиповича вызвали к адмиралу. Григорий Иванович встретил его радушно, об успехе лекций Макарова и среди офицеров Кронштадта, и в Русском географическом обществе он был уже наслышан. Он сообщил, что временно откомандированному в его распоряжение морскому волку хочет поручить важное и весьма секретное дело. По данным разведки, к Санкт-Петербургу спешила британская эскадра. Резкое потепление последних дней февраля создало условие к тому, чтобы иноземные корабли подошли к Кронштадту. Крепость и суда Практической эскадры приводились в состояние боевой готовности. А вот Степан Осипович получил особое задание.

У дома, в котором Макаров снимал квартиру, уже стоял экипаж, быстро доставивший капитана в порт, где его ждали... что же, впервые в жизни Макаров будет командовать отрядом кораблей. Не эскадра, но тоже опыт полезный.

К полудню все кронштадтские ледоколы освободили проход нужным кораблям, а «Бой» отправился пробивать дорогу в Санкт-Петербург. Тем более что работы, проводимые по углублению дна Финского залива, фактически создавали рукотворный канал, которым могли бы пользоваться суда с большой осадкой. Эта коррекция залива продолжалась и зимой, а потому для второго русского ледокола (первым был пароход «Пайлот» британской постройки, который модернизировали в 1864 году по заказу судовладельца Михаила Бритнева) проблем не предвиделось.

В нескольких местах лед рвали при помощи динамита, но это было более для практики и перестраховки. Тем не менее из Кронштадта сразу же в полдень вышли корабли под началом флаг-офицера Макарова. Это была довольно старенькая канонерская лодка «Картечь» под командованием капитана Мессера. Владимир Павлович уже принимал участие на сем корабле в испытании шестовых и буксируемых мин, так что в минном деле не был новичком. За ним следовал клипер «Забияка» под началом капитан-лейтенанта Льва Николаевича Ломена. На «Забияке» следовал другой забияка – Макаров. Тройку вышедших кораблей замыкал еще один старичок – учебная минная шхуна «Гонец». Дымя паровыми машинами, три небольших кораблика последовали в сопровождении «Пайлота» до границы чистой воды. До британской эскадры оставалось примерно полторы мили.

– Не пойму, Лев Николаевич, чего они тут ждут? – заметил Макаров, осматривая в подзорную трубу британскую эскадру, корабли которой, экономя уголь, стояли спустив пары.

– Да-с, ожидать вскрытия льдов можно и до апреля, не помню, когда бы в начале марта начиналось судоходство по заливу, – подтвердил идею командира соединения Ломен.

– Приступим! – почти рявкнул Степан Осипович, слишком избалованный теплой черноморской погодой.

По сигналу «Забияки» «Картечь» взяла южнее, а «Гонец» – севернее, обходя вероятного противника с правого и левого флангов. Сам «Забияка» подобрался к британским кораблям на три кабельтова и просигналил сообщение: «Вы находитесь в районе проведения учений русского флота. Любое движение ведет к опасности». Высокомерные броненосцы наглых островитян сигналы этой малютки не соизволили заметить. Тогда «Забияка» зашел прямо наперерез возможному курсу вражеской эскадры... Еще несколько минут – с медленно идущего корабля в море ухнул сфероконический предмет. «Первая мина пошла», – удовлетворенно заметил Макаров. Через несколько минут к минным постановкам приступили и «Гонец» с «Картечью». Фактически британская эскадра оказалась сжата минными полями. Да, мины были учебными. Но свои намерения русские моряки показали весьма определенно: бриттам ход в Санкт-Петербург заказан.

Темнело, когда «Картечь» внезапно изменила курс, куда-то направившись на всех парах. Это встревожило будущего флотоводца, но он не мог оторваться от финальной части операции: в проделанном проходе появился «Бой», тащивший баржу с гордым именем «Виктория». На палубе баржи сгрудились укутанные с ног до головы сотрудники посольства королевства, высылаемые, как было сказано в указе императора Михаила II, «за деятельность, с дипломатической несовместимую». На ту же палубу были сгружены сундуки с багажом.

«Забияка» пристроился на небольшом отдалении за баржей, наблюдая за реакцией эскадры противника. Там как-то забеспокоились, а на подходящую делегацию даже направили стволы носовых орудий. Правда, увидели, что с плоскодонной лоханки активно размахивали британским флагом. После переговоров на языке «владельцев морей, луж и океанов» баржа подобралась к «Рипалсу», который был ближе всего, по сброшенным сходням британские же матросы помогали благородным господам, напоминающим мокрых и злобных крыс, подняться на борт броненосца.

Тут подошла канонерка. Отряд русских кораблей развернулся, на этот раз «Забияка» шел последним, сбросив прямо перед носом кораблей королевского флота последнюю учебную мину. Переговорив с Мессером, Макаров понял, на что надеялись «повелители морей». Оказывается, к эскадре лимонников спешил ледокол «Эйсбрехер I», который храбрые мореплаватели зафрахтовали в Гамбурге. Немец получил предупреждение, что идет на минную банку, и резко застопорил ход. Потом стал переговариваться с нанимателями, а поутру отправился восвояси.

Макаров так и не узнал, что гамбургский ледокол был зафрахтован в конце февраля почти одновременно с выходом всей британской эскадры за очень большие деньги. По условиям контракта он должен был в период с третьего по пятое марта быть у Кронштадта. При опоздании премиальная сумма не выплачивалась. Но вот один высокопоставленный военный рекомендовал капитану не слишком быстро спешить. Чтобы и начальству, пусть и непрямоу, услужить, и денежку заработать, ледокол прибыл пятого марта почти под конец дня. По итогу наглы его кинули и премии не заплатили. Но после прибытия на корабли дипломатов любое движение к российской столице означало бы войну. Седьмого марта лаймы отправились восвояси.

Семнадцатого марта 1880 года Степан Осипович Макаров получил очередное звание – капитан-лейтенант и приглашение на аудиенцию к императору Михаилу.

Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец.

28 мая 1889 года

ЕИВ Михаил II

Извините, всегда откладываю, чтобы рассказать о страницах своего позора. Знали бы вы, как песочил меня после сего совещания учитель! Матом не крыл, но интеллигентно так опустил за то, что... Впрочем, читайте сами, думаю, что вы Михаила Николаевича Коняева поймете.

Генерал Милютин (из дневника от 5 марта 1880 года)

После вынужденного перекуса его императорское величество дал знак освободить помещение от всего лишнего, и мы снова продолжили работу.

– Нашей второй целью стала оценка состояния наших войск. Прошу обратить особое внимание на их слабые стороны и сделать это раньше, чем наши недруги ими воспользуются. Господа, хочу еще раз повторить: наша цель не упрекнуть любого из нас в бездействии, а общими усилиями найти причину недуга и устранить его, пусть даже и хирургическим скальпелем. Я тщательно изучил доклад по состоянию дел армейских за 1879 год, припомнил несколько любопытных разговоров с иностранными военными наблюдателями во время последней Кав-

казской кампании и то, что я видел и слышал под Севастополем. А также донесения свидетелей последних боевых действий за рубежами нашего государства помогли мне написать тезисы, содержание которых позвольте сейчас озвучить.

Когда я получил приглашение от нового императора Михаила II прибыть в его дворец на совещание, на котором будут обсуждаться и военные дела, я счел сие путешествием на свою Голгофу. После столь вызывающей демонстрации против британского посольства о неизбежной войне с Англией говорили все и везде: начиная от последней побирušки на Сенной площади и заканчивая сенаторами и аристократами с Французской набережной. Вероятно, Михаил Николаевич решил стать полным Георгиевским кавалером, а в мирное время сделать сие было практически невозможно. Правда, чудом выжив после страшного взрыва Зимнего дворца, он сильно изменился, но тогда я счел это хитрым маневром, дабы завоевать себе популярность и повысить свои шансы удержаться на троне. В чем я был полностью уверен, так в том, что все без исключения Романовы обладали великолепной памятью, не забывая даже мелочную обиду, проявление неуважения, особенно если это касалось их лично. А я имел несчастье в некотором роде наступить на мозоль Михаилу Николаевичу в бытность его наместником на Кавказе перед завершением войны с горцами Северо-Западного Кавказа. Поскольку подписанные великим князем победные реляции перед тем, как лечь на стол к императору, должны были пройти через военное министерство, я в меру своих сил их правил, убирая чрезмерный пафос, когда любая стычка с адыгами именовалась битвой или сражением. Увы, это мне стоило недовольства, которое высказал лично государь Александр Николаевич, после очередной жалобы от младшего брата. В общем, я не ожидал ничего хорошего от этого совещания и готовился подать прошение об отставке, если критика со стороны императора станет невыносимой. Но Михаил Николаевич ловко провел меня. Он начал свой речь со слов Великого Корсиканца:

– Господа, я думаю, что никто из присутствующих не сможет оспорить утверждение, что среди когорты великих полководцев века нынешнего имя Бонапарта занимает по заслугам одно из первых мест. Этот гений войны любил повторять фразу, с которой согласится каждый старый солдат, к числу коих я в первую очередь отношу именно вас, Дмитрий Алексеевич: «Армия марширует, пока полон желудок». Войска Бонапарта вторглись в пределы России, имея в обозе запасы консервов, изготовленные по рецептуре Николя Аппера, а в корпусе маршала Луи Николя Даву было шестьдесят полевых кухонь, изготовленных в Германии. Кстати, одна из них дожила до наших дней как трофей, захваченный казаками. Я не буду жалеть о потерянных возможностях, связанных с тем, что если не к началу Отечественной войны, то уже год спустя меню наших солдат и офицеров могло пополниться бы концентрированным спиртом, сухим бульоном и консервами из овощей для приготовления щей... Мне в архиве нашли записку некоего Василия Каразина, в которой он предложил изготовить все вышеперечисленное. И ответ военного министерства:

«...продукты, сделанные по предложенному им способу, оказались при опытах прекрасного качества».

Но вместо того чтобы начать производить и поставлять в войска все сие, изобретателю объявили благодарность и постарались благополучно забыть о сем проекте. Кстати, господа, а известно ли вам, что именно по вине столичных чиновников-мздоимцев Бонапарту в Москве достались изрядные запасы сухого бульона, который сварил, причем за свой счет, помещик Петр Маркович Полторацкий? Причем это не был шарлатан или наивный мечтатель. За сие изобретение еще в 1809 году император Александр Павлович наградил его орденом. В результате без взятки чинуши отказались выкупить его в казну и бульон забраковали. Надеюсь на содействие военного губернатора Ростопчина, Петр Маркович перевез его в Москву, а далее, как написала в воспоминаниях известная всем Анна Петровна Керн: «Пришел Наполеон и съел бульон». И что в итоге? Вместо того чтобы позаимствовать у французов полезные новинки для снабжения продовольствием войск, в Россию импортировали революционную заразу. И

пошло-поехало: декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. А далее появились террористы с бомбами и револьверами. Надеюсь, общими усилиями эту мразь мы раздавим, хотя они и напоминают гидру, у коей на месте отрубленной головы вырастают три. Но как нам заставить наших чиновников – как статских, так и военных – перестать свою мощь набивать и о долге перед державой вспомнить? Это задача общая и первейшая, ибо нет такого дела, задуманного государем, коего не может тысяча чиновных утопить миллионами росчерков пера.

А далее император поинтересовался тем, как обстоят дела с обеспечением наших войск консервами. Я уверенно ответил, что имеется необходимый запас, и в прошедшем году с целью освежения оного на довольствие было выделено 7 500 000 порций, какое количество вновь было заготовлено обществом «Народное продовольствие». Но следующие слова Михаила Николаевича поставили меня в тупик.

– Это великолепно, что количество изрядное. А вот как с качеством? Во время Турецкой войны до меня дошли слухи, что среди испорченных консервов в девяносто процентах случаев это была продукция именно «Народного продовольствия», а вот на то, что произвела фабрика Франсуа Азибера, жалоб почти не было. Я прошу вас, Дмитрий Алексеевич, разобраться с этой информацией и, если она подтвердится, принять меры к выявлению и наказанию виновных и, самое главное, пополнению запаса консервами, которые пригодны к еде и не приведут к отравлению наших солдат. Трое из присутствующих участвовали в несчастной Крымской кампании, могут подтвердить, что поражение нашего оружия стало результатом отвратительного снабжения войск, в том числе в Севастополе. Личная храбрость пасовала перед пустым желудком и отсутствием пороха и свинца. Ни для кого не секрет, что у этого положения были свои имена и фамилии. И мой бедный отец знал эти имена. Именно сии знания свели его так быстро в могилу. Скажите, почему расследование хищений интендантами в Крымской войне так и закончилось ничем? Каких усилий стоило наладить снабжение армий в войну с Турцией! Дмитрий Алексеевич! Вы можете подтвердить мои слова?

Я, конечно, подтвердил слова государя, которые отозвались болью в моем сердце. Ибо то, с какими усилиями приходилось увещевать почти неприкасаемых интендантов, было за пределами человеческого разума. Поистине сизифов труд.

– Господа, мы прекрасно понимаем, почему это так происходило. И кто стоял за этими... процессами, скажем так. Мне на Кавказе, несмотря на положение брата императора, тоже приходилось крайне сложно в борьбе с сиим племенем, которое великий Суворов считал достойным вешать через пять лет «работы на благо...». Свое, конечно. Считаю, что нам необходимо создать ревизскую комиссию, которая проверит все аспекты работы интендантства и даст укорот. Невзирая на имена и связи. Ибо иного пути нет. Я надеюсь на вашу поддержку.

Мы были единодушны в выражении чувств. Особенно Петр Александрович, который при своем значительном богатстве был известен как решительный враг мздоимства.

Враг-то он был враг, но использовал взяточничество как компромат и возможность держать в узде нужных людей. Сам не беру, но нужным людям позволяю! Тоже методика, однако!¹²

– В таком случае никто не будет возражать, что столь однозначно вороватую фигуру, как Маков, на должности министра внутренних дел терпеть нет никакой возможности! Завтра мы обсудим фигуру нового министра. А пока продолжим по теме нашего разговора.

А государь-то круто берет. Вроде бы призыв огласил, да за ним сразу конкретное действие. Да, слово и дело! И дело сразу же следует за словом!

Тут произошел некий казус, Маков считался человеком Валуева, и Петр Александрович, конечно, не хотел терять столь хорошо управляемую личность на этом важнейшем в империи посту. Он начал очень аккуратно и осторожно ставить вопросы государю, на которые получал

¹² Надпись на полях, сделанная рукой императора Михаила II.

резкие и четкие ответы. Так что прошло некоторое время, прежде чем удалось вернуться к теме разговора. Надо отдать должное Михаилу Николаевичу, он четко почувствовал, что разговор уходит не туда, куда следует, а посему предложил прерваться на чай.

Глава седьмая

Даже позор когда-нибудь подходит к концу

Настойчивость – очень важный элемент успеха. Если вы достаточно долго стучитесь в двери, обязательно кого-то разбудите.
Генри Уодсворт Лонгфелло

*Санкт-Петербург. Ново-Михайловский дворец.
28 мая 1889 года
ЕИВ Михаил II*

Ладно, буду заканчивать, чтобы сам любезный читатель смог все понять и оценить. Сейчас, по прошествии почти десятка лет, я могу сказать откровенно, что деловой стиль и быстрое принятие решений – это признак того, как время самовоспринимается людьми в каждом конкретном отрезке исторической перспективы. В разные эпохи время (субъективно) течет по-разному. Это видно и на примерах из истории, это видно и на примере самой человеческой жизни. А посему стоит закончить сие грустное повествование.

Генерал Милютин (из дневника от 5 марта 1880 года)

После того, как был выпит чай, а господин Валуев несколько успокоился, пришло время продолжить нашу беседу. Да, по поводу сего напитка хочу заметить, что, по слухам от того же Валуева, у Михаила Николаевича была плохая привычка угощать гостей дрянным листом, собранным на новых грузинских плантациях. Конечно, поддержка чаеводству весьма похвальна, но добрый английский, независимо от того, выращен ли он на террасах Цейлона или просторах Индии, или Китая, – это все-таки знак уважения собеседнику. Итак, государь продолжил:

– Пришло время собрать комиссию из специалистов в сфере медицины и гигиены. Их задача должна состоять во всестороннем изучении существующих методов консервации мяса, овощей и фруктов. Выбрать из них оптимальные с точки зрения эффективности, сохранности в условиях жары и холода, повышенной влажности и стоимости. А также проверить, насколько влияет на здоровье человека длительное питание консервированными продуктами и в первую очередь – мясом. Испытания можно провести сперва на заключенных, а в случае успеха и на «добровольцах», к примеру, из студентов. Чего их жалеть, бунтарей и нигилистов, а так хоть какая-то польза будет!!!

Отсмеявшись вместе с остальными, Михаил Николаевич закончил свою мысль:

– Это, конечно, была шутка, но, как говорится, в каждой шутке есть только доля шутки. Остальное – правда. Некоторые господа студенты поопаснее динамита будут, который изобрели для облегчения строительных работ, но затем он и террористам к месту пришелся. Если за ними приглядывать да направлять чуток, то они великую пользу для державы нашей принести смогут, а если пустить все на самотек, то ввергнут нашу Россию-матушку в геенну бунтов и междоусобицы, на радость британцам и прочей заграничной нечисти. Кстати, Дмитрий Алексеевич, во время войны, в моем присутствии весьма комплементарно упоминали фамилию некоего военного врача Солнцева, который, кажется, интересовался этой проблемой. Я, к сожалению, запомнил имя сего медика, но в 1878 году, его наградили орденом Святого Станислава III степени с мечами, так что отыскать его труда не составит. Но мало иметь продукты, нужно их на чем-то приготовить, невзирая на ветер, дождь, или во время марша колонны войск. А посему возвращаемся к полевым кухням. Во время последней войны на испытаниях находились кухни конструкции полковника Никифорова и Михаила Лишина, которые настолько понравились солдатам, что они прозвали их «кормилицами войск». А почему, несмотря на

положительные результаты испытаний, солдатский воз на том же месте, у нас солдаты регулярной армии или стрельцы варят суп и кашу на кострах?!

Михаил Николаевич невольно разнервничался, отпил воды, благо графины с водой остались на столе, продолжил:

– И для того, чтобы закончить обсуждение вопроса влияния продовольственного обеспечения на боеспособность нашей армии, необходимо обсудить то состояние, в котором ранее рекрут, а нынче новобранец приходил на службу. Не секрет, что большинство населения империи составляют выходцы из крестьян и мещан. И качество их питания, а следовательно и здоровья, далеко не только от идеального, но и даже минимально необходимого. Я лично слышал, господа, обходя лагерь наших войск, молодые солдаты признавались, что впервые поели мясо только надев мундир. Я прекрасно понимаю, что лишь Господу нашему доступно накормить пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, да еще и некий запас оставить, а значит, мы не сможем мгновенно избавиться от голода в нашей империи, на это потребуются годы каторжного труда. Но хочу заметить, что эта проблема сложная, комплексная, и от ее решения зависит судьба всей империи. Я бы сформулировал ее иначе – это вопрос продовольственной безопасности государства государственной же важности! Но вопрос сей столь сложный, что мы будем рассматривать его несколько в ином составе. Пока же мы занимаемся именно разбором военных аспектов, то хочу заметить вот еще что. По уставу 1874 года организация отбора пополнения армии находится в ведении управления по делам о воинской повинности Министерства внутренних дел. А в статье, коя определяет состав присутствия, нет упоминания о врачах, хотя об обязанностях «присутствия» говорится, что на него возлагается: «освидетельствование как во время призыва, так и после призыва подлежащих назначению на военную службу лиц в отношениях их годности к оной». И хотя в присутствие назначают двух медиков, одного от гражданского, а другого от военного управления, их голос не имеет решающего значения и очень часто остается гласом в пустыне. Лица, принятые вопреки мнению врачей, подлежат переосвидетельствованию в губернском присутствии, где вопрос решается также не врачами, которые и здесь только высказывали свое мнение. А потом, господа, нам с вами приходится проливать море пота, пытаюсь превратить этих убогих калек переходящих в чудо-богатырей.

Тогда я не удержался и заметил, что государь даже несколько скрашивает скорбное положение дел с армейским пополнением. Михаил Николаевич согласно кивнул головой и продолжил прерванную мысль:

– Конечно, наш российский фельдфебель творит чудеса и способен из зеленого дерьма выковать стальные штыки, но все же будет лучше, если заготовкой для оных послужит добротное железо. А посему, господа, я прошу вас беспощадно искоренять ошибочный и, я бы даже сказал, вредный подход отдельных генералов к нижним чинам: «Велика Россия, бабы еще нарожают». Те, кто будет обосновывать неоправданные потери наших солдат во время войны или мира, должны немедленно отправляться в отставку без пенсии и права ношения мундира. И ежели отстраниться от норм морали, то даже простой расчет показывает пагубность столь преступного отношения к жизни и здоровью наших воинов. Было бы очень полезно провести расчеты по изменению затрат на подготовку солдата на протяжении последних столетий. Кстати, как мне доложили, в Германии уже озаботились сим вопросом, и получился следующий расклад: в 1657 году один солдат стоил 264 марки, в 1786-м – 300, в 1870-м – 880. А отсюда вытекает новая проблема: для того, чтобы солдат освоил новое оружие и научился им отменно владеть, он должен быть грамотным. И войны второй половины века XIX тому яркое подтверждение. Возьмем к примеру Битву при Садовой, когда по оценке профессора географии из Лейпцига Оскара Пешеля: «...Народное образование играет решающую роль в войне... когда пруссаки победили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем». Аналогичная мысль высказана господином Андреевым в его книге «Война за утверждение прусской гегемонии в Европе и отношение к ней России», но уже по результатам

анализа итогов Франко-прусской войны. К сожалению, господа, для нашей державы ситуация крайне удручающая. У меня нет данных на сегодняшний день, но еще пять лет назад на тысячу рекрутов в России приходилось 784 неграмотных. Для сравнения в Германии и Швеции эти цифры значительно ниже и составляют 24 и 9 человек соответственно. Ближе всего к показателям России находится армия Италии, но и там число безграмотных не превышает 520 человек. Так что мы с вами находимся на уровне Турции или Абиссинии, нам есть чем гордиться!

Вот тут я понял, каким может быть новый император, когда он в гневе. Язвительный, жесткий, думаю, даже жестокий!

– Отрадно, что благодаря проведению военной реформы и тем усилиям, кои прилагает лично Дмитрий Алексеевич, обучение грамоте в войсках было организовано довольно широко. Но до меня дошли весьма тревожные слухи, что сии мероприятия нравятся далеко не всем и есть поползновения в «Плане годовых занятий в войсках», составляемом на следующий год, сократить эту графу чуть ли не до нуля. Скажите, господа, освободившееся время будет отдано на боевое слаживание подразделений или на столь милые командиру «работы», на коих солдатики зарабатывают лишнюю копейку в котел полка, да еще и в карман командиру? А посему прошу проверить эту информацию и, если она паче чаяния подтвердится, то представить мне список авторов этой вредительской идеи. И далее я собираюсь практиковать следующий подход: у каждой ошибки есть должность, имя и фамилия. В зависимости от степени вины или умысла будет следовать персональная ответственность – неизбежная, но адекватная. Индульгенции от нее не будет ни для кого, включая и императора. Именно так поступил мой покойный отец Николай Павлович, когда в сентябре 1824 года произошел обвал казематов в крепости Бобруйск в ходе совершенствования ее укреплений. Согласно его собственноручной резолюции на полученном донесении, устранение повреждений следовало провести за счет сумм, взысканных по соразмерности получаемого им окладного жалованья со всех лиц, имеющих отношение к составлению и утверждению плана работ, включая и самого будущего императора как лица, утвердившего сей документ.

Теперь же непосредственно к делам военным. Как принято их у нас понимать. Господа, в прошлом году вышла из печати книга, написанная капитаном германской армии Тило фон Трота «Борьба под Плевной» в переводе полковника Николая Павловича Нечаева. Мне удалось ознакомиться с ней несколько раньше и прочитать оригинальное издание. Автор сего труда сделал анализ тех новинок, которые принесли войны второй половины XIX века, а именно: Восточная война принесла нарезные ружья, итальянская – нарезные орудия, американская война – панцирные корабли и мониторы, Австро-Прусская война – ружья, заряжающиеся с казенной части, и стрельбу средней скорости и на близких расстояниях, Франко-прусская война – ружья Шасспо, более совершенные сравнительно с прежними, заряжающимися с казенной части, наконец, Русско-турецкая война указывает на относительно большую скорость стрельбы и дальность выстрелов новых систем, доходя до магазинных ружей и вместе с тем уже не в виде исключения, но за правило принимается употребление полевых укреплений. В битве Отечественной войны под Островно граф Остерман-Толстой, сдерживая войска противника, отдал приказ своему корпусу «стоять и умирать». Из девяти тысяч русских воинов арьергарда за трое суток боев потери составили около трети. Под Геттисбергом 147-й Нью-Йоркский полк северян простоял под огнем противника всего полчаса и потерял две трети своего состава! В этой же битве корпус Лонгстрита, имея пятнадцать тысяч человек, атаковал позиции северян по открытой местности. Атакующие шли под плотным артиллерийским и ружейным огнем. Не прошло и часа, как до позиций северян добралось около тысячи солдат Конфедерации. Более девяноста процентов потерь!

Я внутренне был согласен с государем. С каждым годом, каждым новым изобретением война становится все ужаснее, а число ее жертв многократно возрастает!

– Давайте попытаемся обсудить, что вытекает из этого вывода. Лично я считаю, что роль ручного огнестрельного оружия в достижении победы в сражении значительно возросла, но одновременно резко выросло количество ружейных выстрелов, необходимых для выведения из строя одного солдата противника. Просмотрев данные, начиная с войны Пруссии и Дании (1864 год) и заканчивая Франко-прусской (1870 год), у меня получились цифры, которые колеблются в интервале от ста до ста пятидесяти патронов. А отсюда возникает вопрос об объеме производства боеприпасов для обеспечения армейских нужд, включая, естественно, затраты на обучение и подготовку стрелков в мирное время. Скажу сразу, господа, это поистине астрономические цифры, кои ставят под сомнение существующие планы. Кстати, по данным капитана фон Трота в течение Русско-турецкой войны на захваченных позициях и укреплениях турок было взято до пятисот миллионов патронов.

Теперь давайте обсудим некоторые технические новинки, которые появились и нашли применение в боях в ходе сражений в САСШ и Франко-прусской войны. Как следует из доклада военного министерства за 1879 год, Инженерный Комитет следил за всеми техническими усовершенствованиями инженерного искусства, как появляющимися в периодических изданиях иностранных и русских, так и поступившими в военное министерство в виде проектов от разных лиц, и подвергал их критической оценке. Весьма разумный подход, мне понятен скептицизм чиновников сего Комитета, привыкших к тому, что есть масса людей, бомбардирующих министерства всевозможными проектами, начиная от *perpetuum mobile* и заканчивая гигантскими подводными и сухопутными броненосцами, вероятно, навеянными романами Жюль Верна. Но, к сожалению, в этом противоборстве с Кулибиными различного разлива они позабыли весьма мудрое предостережение Мартина Лютера: «Не стоит выплескивать из ванны с грязной водой и самого ребенка». Обратимся к войне в САСШ. Под Ричмондом 29 июня 1862 года впервые применили в бою тридцатидвухфунтовую пушку, установленную на четырехосной платформе. Несколько позже подобные установки уже снабжали бронированными щитами. При осаде северянами Питтсбурга в 1864 году применялись уже тринадцатидюймовые мортиры, устанавливавшиеся на двухосные железнодорожные платформы. Этот опыт повторили прусские артиллеристы при осаде Парижа. Орудия перемещались по периметру и наносили неожиданные удары по столице Франции. А теперь позвольте напомнить о подобных отечественных разработках, не нашедших поддержки в родном Отечестве. Во время Крымской войны купец Н. Репин представил управляющему военным министерством

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.